

63.3 (2Рис-4Кем)
А.35

Альбина Азова

Вот,

● Кемерово

затляки

● Белово

● Красный
Брод

БРАТСТВО

"Братство наше"

+ 63.3 (2Рос-4Кв)
А35

Альбина Азова

81002

Белово 1997г.

Автор книги и литературно-художественная серия “Библиотека “Беловская муза” в лице редактора благодарят старожилос поселка Красный Брод, ветеранов войны и труда, лично Ивана Григорьевича Гончарова, Валерия Ильича Захарова, а также руководство ОАО “Красный Брод”, администрацию поселка, торгово-промышленную компанию “Сибвест”, принимавших непосредственное участие в создании этой книги.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вижу былые года,
Судеб вселенские дали...
Мне не забыть никогда
Все, что вы мне рассказали...

Эсть маленькая точка на карте Кузбасса - горняцкий поселок Краснобродский, или Красный Брод, как его именуют местные жители.

Это особое место на земле. И не только потому, что здесь находится богатейшее месторождение каменного угля. У Красного Брода богатая биография: истоки, восходящие к началу века, легенды, насыщенное неповторимыми событиями прошлое...

Все, что описано в этой книге, - не просто история маленького населенного пункта.

Это история, высвеченная сквозь призму судеб человеческих, судеб моих земляков, людей простых, талантливых, красивых, удивительных, обычных и не совсем...

Убедитесь сами.

Автор

Краснобродский, поселок городского типа. Принадлежит городу Белово. Общая площадь - 14 кв.км. Количество жителей - 13,2 тысячи человек. Угольные разрезы “Краснобродский” и “Новосергеевский” составляют основу АО “Красный брод”.

/Из официальной справки/.

... И НАЗВАЛИ КРАСНОБРОДСКИМ

/об истории происхождения названия поселка/

Красный Брод - читаем мы на маршрутных указателях движения автобусов, на голубых дорожных табличках.

Краснобродский - приветствует нас метровыми белыми объемными буквами указатель при въезде в поселок.

Красный Брод - такое название употребляют жители поселка и нередко указывают его на почтовых отправлениях.

Краснобродский - можно прочесть на географической карте области или в официальных документах.

Вот так и существуют рядом два названия одного населенного пункта: разговорное - Красный Брод и официальное - Краснобродский.

“Официальное название в народе не прижилось” - поясняет топонимический словарь “Тайны имен земли Кузнецкой” /автор В.М.Шабалин/ в статье “Красный Брод”. Значит, проблемы с названием поселка не существует. Но существует удивительнейшая история происхождения географического названия населенного пункта, связанная с природными особенностями этого необычного места, с событиями недавнего прошлого.

Беседы со старожилами - живыми свидетелями возникновения и становления поселка, разговоры с учителями, горняками, данные из архивов местного школьного музея помогают провести увлекательное исследование и установить следующее.

Итак, в середине 20-х годов, в трех километрах к северу от теперешнего центра поселка, на берегу реки Кривой Ускат возникает селение, официально именуемое Каменным Бродом. Редкие по красоте здесь были места, достойные кисти художника-пейзажиста. Березовые леса, покрытые сочной зеленью луга, чистейшие воды Уската и, самое главное, брод через речку у села и камни, большие и маленькие, всевозможных оттенков розового цвета, раскиданные по обоим берегам. Эти розовые камни, преломляя под разным углом солнечные лучи, в ясные закатные вечера мерцали и излучали оранжевато-розово-алое сияние. Брод через Кривой Ускат казался красным. Красный Брод - так называли местные жители свое село, пренебрегая официальным названием:

Такие розовые камни можно встретить и сейчас в окрестностях поселка. Это горельник.

Но возвратимся к истории названия. Итак, Каменный Брод, Красный брод. Первое название не прижилось, жителями употреблялось только второе, как наиболее соответствующее красоте и природным особенностям данного места.

И с 1931 года село официально стало именоваться Красным Бродом. Тридцатые годы - странное время нашей советской истории. Это время требовало героических свершений, громких событий, возвышенных дел.

И вот рождается красивая легенда, где слово "красный" мотивировано именно духом времени.

Отряд красноармейцев вступает в ожесточенную схватку с колчаковцами и, неся большие потери, продолжает преследовать врага дальше по Екатерининскому тракту. Место, где проходил бой - берег Уската, вода, камни, - все было обагрено кровью погибших и раненых.

Село было переименовано в Красный Брод по традициям тех лет - "красный - революционный".

Село было переименовано в Красный Брод по традициям тех лет - “красный - революционный”.

Ничего не хочется иметь против нашей героической истории. Истины ради следует отметить, что события гражданской войны могли затронуть и наши места. Ведь Екатерининский тракт действительно проходил в северо-восточных окрестностях поселка и уходил дальше на восток. По рассказам старожилов, в одном из мест, где проходил тракт, в темное время суток можно было увидеть мираж - всадника на коне, который растворялся в сумраке при приближении к нему.

Но, возвращаясь к истории названия, той же истины ради надо сказать: старожилы связывают его исключительно с красновато-розовым цветом горельника по берегам Уската.

Можно найти объяснение тому, почему официальное название поселка не прижилось в народе. Как филолог могу сказать, что сложносuffиксальный производный топоним “Краснобродский” несет в себе нечто официальное, обезличенное. В нем нет того емкого, богатого, исторически обусловленного содержания, которое имеется в топониме “Красный Брод”.

К тому же, что немаловажно с точки зрения речевой экономии, трехсложное название Красный Брод предпочтительнее многосложного Краснобродский.

А история села Красный Брод продолжалась. Отсюда уходили на войну, а во второй половине 40-х годов в эти места пришли геологи. Начинают свое существование разрезы “Краснобродский”, “Новосергеевский” и одновременно растет поселок, расположившийся к югу от села.

Ведутся открытые разработки, идет добыча угля, растут отвалы, меняется пейзаж вокруг поселка. И уже нет того чудного по красоте брода, исчезли розовые камни, обмелел Ускат. Что поделаешь, производство, уголь, песок - понятия неотделимые.

Но как хочется верить, что удастся найти компромисс с ее величеством Природой, чтобы сохранить и производство, и удивительные места, которые еще сохранились вокруг поселка. Чтобы те, которые будут жить после нас, смогли бы воотчию убедиться, как по-особому красива наша малая родина с таким необычным названием - Красный Брод.

... А ЛЮБОВЬ НЕСЛЫШНЫМИ ШАГАМИ БРОДИТ ПО СВЕТУ

/легенда о всаднике-призраке/

Если поздним летним вечером в окрестностях поселка Краснобродского вы вдруг увидите всадника, медленно приближающегося к вам, не пугайтесь: возможно, это Иван, всадник-призрак. Он исчезнет, растворяясь в сумерках, так и не приблизившись к вам.

Мираж ли это или еще что, не знаю. Только факт остается фактом: не в одном поколении местные грибники, ягоdniки встречали Ивана-призрака.

В памяти краснобродцев-старожилов сохранилась история о всаднике, история, очень похожая на красивую легенду, хотя сами рассказчики уверены в подлинности изложенных в ней событий.

Около восьми десятилетий назад к северу от нашего поселка существовало маленькое селение в несколько дворов, то самое, что впоследствии стало именоваться селом Каменный Брод.

Места тут были богатые. Плескалась разная рыба в Кривом Ускате, зеленела в логах сочная трава, а в лесах всего было полно: и ягод, и грибов, и дичи.

Вольно дышалось здесь, люди жили - не тужили.

В одном из дворов в многодетной семье подрастала Анна, Аннушка. Славная была девушка - сероглазая, с русой косой и родинкой на шее, быстрая, спорая в любой работе. Шутка ли: в семье еще семеро братьев и сестер, мал мала меньше, Аннушка - восьмая, самая старшая. И везде-то она попевала: и за детьми смотреть, и за скотиной ходить, и обеды готовить. Да и сено косить, петь, плясать великая была мастерица.

И суженый сыскался ей - Иван из соседнего села. Ныне это деревня Карагайла. Давно глянулась Аннушка Ивану. Поедет ли в жаркий день попоить коня, искупать его в прохладной речной воде, нет-нет да и завернет в знакомое село. Там

мелькнет легкая фигурка в цветастом платье да глянут в душу ясные серые глаза.

Что ни праздник, ребятишкам от Ивана пряники, конфеты, а Аннушке то платок розовый, то зеркальце, то колечко. Вспыхнут румянцем нежные девичьи щеки, и как идет к серым глазам и спадающим волной русым косам накинутый на плечи розовый платок!

И надумал Иван жениться, ведь краше и милее Анны и не сыскать ему никого на свете. С весны подался парень с отцом на заработки, чтоб денег к осени к свадьбе скопить. Иван - мастер на все руки: и печи класть, и столярничать, и плотничать, и избы ставить.

- Вернусь к концу лета, к осени управимся - свадьбу сыграем, - сжимая девичью ладонь с дареным колечком на пальце, говорил Иван. - Жди меня, Аннушка, красавица моя.

- Не задерживайся надолго, вон сколько кругом таких красавиц, - прощаясь, лукаво отвечала Анна.

На том и расстались. Они были юны и счастливы.

Времена были тогда беспокойные - в России полыхала гражданская война. Эхо далекого пожара докатилось и до глухой сибирской деревушки.

Анна и сельчане не раз видели, как проезжали по тракту военные.

Однажды конница устроила привал недалеко от села, на поляне у речки.

- Много ли ягод насбирала, красавица? - спрашивал военный, приблизившись к Анне, окруженной ребятишками.

Те с любопытством взглянули на всадника, залюбовались его конем и продолжали ползать по траве, собирая в большую корзину душистую землянику.

На следующий день взрослые отправились на покос, а Анну оставили дома управляться по хозяйству.

В жаркий полдень послышался топот, и два всадника остановились у ворот.

- Воды бы испить, красавица, - попросили они.

В одном из всадников Анна узнала вчерашнего военного. “Что же они тут делают? - мелькнула мысль. Ведь конница ушла дальше по тракту”.

Всадник долго пил, вода стекала за ворот, а сам краем глаза наблюдал за Аннушкой.

- Вот, возьми ребятишкам на гостинцы, - протягивая руку с блестящими монетками, сказал военный.

Анна подошла и, не успев опомниться, взлетела на коня, подхваченная крепкими руками незнакомца. Еще миг - и всадники, как вихрь, умчались.

Закричали ребятишки, стали звать на помощь. Побежали на покос и плакали родителям, показывая на дорогу. Сели взрослые на коней, да где там! Как не догнать ветра в чистом поле, так и не догнать лихого скакуна.

Лето близилось к концу, вернулся Иван с заработков. Но неприветлив был знакомый двор, суровы лица встречавших. Заглянул парень в Аннушкину комнату, а там, на подоконнике, сиротливо блестело колечко да лежал небрежно брошенный на подушке розовый платок.

Узнал обо всем Иван, вскочил на коня и поехал искать украденную невесту. Скакал до самого Старокузнецка. Ездил, искал и возвращался вновь: а вдруг Аннушка вернулась?

Однажды, подъезжая к Ускату, увидел Иван что-то розовое на берегу. И сердце забилось сильнее: уж не Анна ли это в своем розовом платке полощет белье?

Поскакал туда - и снова помрачнело на душе. То были всего лишь камни, красные и розовые, раскиданные по берегам реки.

С той поры ходит-бродит Иван-всадник по нашим дорогам, ищет свою потерянную любовь. Вот уже почти восемь десятилетий ищет. Но не находит Аннушки, и мало кто знает, где затерялся ее след. О чем-то своем шумят березы, молчат горы, немы камни и воды Кривого Уската.

Год назад, возвращаясь поздним вечером из деревни на машине, я вновь услышала об этой истории, знакомой мне еще с детства. Моя попутчица, пожилая женщина, показала

то место, где не раз со знакомыми встречали призрак Ивана-всадника. Я слушала ее и всматривалась в даль. Что-то чернело там, на горизонте, в яркой полоске вечерней зари. Пятно медленно росло. Признаться, даже жутко стало на какой-то миг. Но чуда не произошло: пятно выросло и превратилось в женщину. Мы остановились и вышли из машины. Женщина из близлежащей деревни искала телку, не вернувшуюся домой со стадом.

Стояла теплая августовская ночь. Белела над головой кисейная полоска Млечного пути и, прочерчивая яркие линии на небосводе, падали звезды. Чуть слышный ветерок прошелся по высоким травам и затих. Словно всадник, неведомый и невесомый, пронесся по полю.

Я не раз интересовалась у старожилов, что произошло дальше с Иваном, с Анной.

- Не стало Анны, погибла она, - отвечали мне, - и в бою погибла, случайно, когда красные гнали по тракту беляков. А Иван подался к красноармейцам и тоже погиб в сражении.

В детстве нам, ребятишкам, даже могилку показывали, что на старом заброшенном кладбище у села Красный Брод. Вот, мол, здесь лежит невеста Ивана.

- Ну что вы, Анна жива, - утверждали другие. - Довез ее военный до Старокузнецка, а дальше через Тутуяс рукой подать до границы. Обосновались они где-то в Китае. А лет 15-20 назад приезжала в наши края внучка Анны, ну вылитая Аннушка в молодости, разыскивала родных.

Тщетно я пыталась узнать про родственников Анны. Многих свидетелей этой истории давно нет в живых.

Где-то сейчас бродит по нашим дорогам Иван-всадник. Подходит к светящимся окнам домов, хочет заглянуть в них и пропадает, растворяется в желтых квадратах света. Исчезает мираж, а любовь неслышными шагами продолжает бродить по свету.

Село Красный Брод:

первое упоминание - 1911 год.

Официально зарегистрировано в 1926 .
как село Каменный Брод;

с 1931 г. в официальных документах
именуется Красным Бродом.

Существовало до 1970 г.

Пос. Караульный, расположенный
рядом с селом Красный Брод, основан
в конце 1921 г.

Существовал до 1951 г.

Горняцкий поселок Краснобродский
основан в марте 1948 г.

Деревня Уткино на месте
нынешнего разреза “Новосергеевский”
существовала с 20-х г. по 1960 г.

Это начиналось так...

Уголь здесь был всегда. Еще в начале века первые поселенцы села Красный Брод, выходцы с Чала и Дона - чалдоны, отапливали свои избы каменным углем. Выбор места на поселение был не случаен: березовая роща, озеро, чистая, быстрая река, кишущая рыбой, сочные зеленые луга и богатейшее сенокосное угодье, расположенное на месте нынешнего поселка.

При постройке изб, рытье колодцев вдруг обнаружилось, что штык лопаты упирается во что-то твердое, черное, блестящее. Залежи ценнейшего топлива местами выходили чуть

ли не к самой поверхности: стоило только ковырнуть лопатой землю или прокопать в глубину на полтора - два штыка.

Фамилии первых поселенцев /четыре семьи/ не сохранились. Известно только, что в одной из семей проживала красивая и трудолюбивая девушка Анна, о которой повествует местное предание.

К концу 1918 - началу 1919 г.г. первые жители покинули эти места, побросав свои дома и переехав в другое место. Почему они уехали и куда, неизвестно. Можно только предположить, что поселяне оставили наши места в связи с похищением красавицы Анны и беспокойной обстановкой на тракте, который проходил рядом с их домами.

А полгода спустя в нашем краю обосновался некто Меркулов /имя не выяснено, но старожилы называли его по отчеству - Мартемьяныч/, который построил большой двухэтажный бревенчатый дом и перевез сюда свою большую семью.

С этого момента село Красный Брод стало быстро застраиваться домами и расти. Около половины местного населения составляли чалдоны, переехавшие сюда из соседней деревни Карагайлы. Остальные - исконно русские, из местных ссыльных, а также представители тюркоязычных народностей.

Рядом с селом Красный Брод, в 2-х с половиной километрах к западу от него, к концу 1921 года был основан поселок Караульный.

В четырех километрах от села, к юго-востоку, на месте нынешнего разреза "Новосергеевский" существовала деревня Уткино. По мере расширения горняцкого производства вышеуказанные населенные пункты постепенно приходили в запустение и, в конце концов, прекратили свое существование.

**/Из материалов поселкового
музея; по воспоминаниям старожил
Чугунова Н.А., Евстюковой Е.И./**

... Середина тридцатых годов. На месте, где сейчас расположен поселок Краснобродский, колосилось большое пшеничное поле. Оно принадлежало колхозу имени Ворошилова Трудоармейского сельсовета. Кроме пшеницы здесь выращивали и овес.

Наши детские годы и юность прошли в поселке Караульный, что находится рядом с селом Красный брод. Здесь до 1917 года был караул, и дозорные несли службу на Екатерининском тракте.

До 1935 года жили единолично; у каждого - свое подворье и свое хозяйство, а в 1935 году был основан колхоз имени Степана Разина.

На зиму заготавливали уголь по 6-8 ящиков на семью. Собирались 5-6 мужиков, вырывали большую яму до определенной глубины, а дальше долбили кайлом.

А вообще-то геологи интересовались нашими местами задолго до войны, приезжали, бурили скважины.

Жили дворами очень дружно. По воскресеньям часто ездили в Бачаты на базар за покупками. А в престольные праздники и, особенно, в Рождество народ гулял по несколько дней подряд. Очень веселыми и людными были катания на тройках с разноцветными бубенцами, и в каждой из них - по гармонисту. С окрестных сел и деревень съезжался к нам народ на зимние праздники.

В годы войны в соседнем селе Красный Брод существовала небольшая шахта, руководителями которой были сначала Капустин, затем Райцин. Добытый в шахте уголь отправляли в Семипалатинск и Павлодар.

**/По воспоминаниям старожилов -
супругов Репецких Николая Федоровича и Таисии Федоровны/.**

На месте нынешнего поселкового пляжа в середине тридцатых годов был покос, носивший название "Зеленый клин". Травы были богачейшие, с небольшого участка накашивали

много. Кривой Ускат, протекавший по этим местам в сторону Караульного и Красного Брода, был неглубоким. Мы, пацаны, делали петли из тонкой проволоки и ловили шук в прозрачной воде. Шуки попадались крупные, от метра и более.

Еще до войны в деревне Уткино / 3 км к юго-востоку от нынешнего поселка/ существовала небольшая шахта. По грунтовой дороге уголь доставлялся в Карагайлу и в Копай, что в Трудоармейке.

Рядом с селом Красный Брод до самого конца войны бригада Сорокина добывала уголь вручную из маленькой штольни. Уголь грузили на машины и отправляли через станцию Трудоармейскую на Новосибирский мясокомбинат.

В 1946 году в этих местах появились геологи и буровики, которые утверждали, что в скором времени здесь будет основан очень большой угольный разрез.

/По воспоминаниям

Коновалова Виктора Петровича/.

Холодное февральское утро 1948 года. Темно, в небе - колючие зимние звезды. Слышны разговоры, прерываемые иногда смехом, да рассыпчатый снежок поскрипывает под валенками. Вереница рабочих спускается с Трудоармейской горы и направляется на строительные объекты. К ним присоединяются другие рабочие, которые выходят из палаток.

Возводятся первые улицы горняцкого поселка - Краснобродская и Первомайская. Уже выстроены несколько рядов финских домов и идет закладка стен двухэтажного деревянного дома.

Строительные работы велись под началом спецконторы №2 треста "Кузбассжилстрой". На строительстве работали вербованные, приехавшие сюда по договорам. Некоторые жили в брезентовых палатках с семьями, а часть рабочих проживала

на квартирах в находящейся рядом станции Трудармейской. Среди приехавших было много татар.

Работали с энтузиазмом, с огоньком, выкладывались полностью, несмотря на холод. Работали и верили, что совсем скоро здесь будет большой и красивый поселок. Бригадой плотников руководил Василий Королев, которого все называли просто и кратко - Васька Король. Этот человек умел и руководить, и пошутить, и приободрить. А по вечерам в брезентовом палаточном городке играла гармошка. Звучали песни, раздольные, русские и татарские, напевные, с красивой, нежной мелодией. Здесь пели и пили, радовались, ругались, а иногда дрались, ссорились и мирились, любили и верили в будущее.

И работать умели - дома росли, как грибы. До осени 1948 года в поселке было уже 5 улиц, а по улице Новой начали возводиться кирпичные двухэтажные дома.

Первыми строителями поселка были:

Неживо Иван Кириллович - прораб

Вилон- нач.снабжения

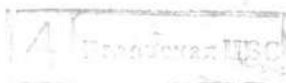
Проскурин-

Фатьянов- нач.уч-ка ж/д пути

Павел Иванович- нач.отдела кадров

Королев Василий Захарович - бригадир плотников

Рыжков Константин Иванович - нач.службы пути

/По воспоминаниям Малярова П.И./

Когда добывали первую тонну угля на разрезе "Краснобродский", а это было во второй половине октября 1947 года, шел крупный снег. Бригада из пяти человек, присланная по наряду из колхоза имени Степана Разина /пос.Караульный/, грузила уголь, добытый вручную с помощью ломов, кирок,

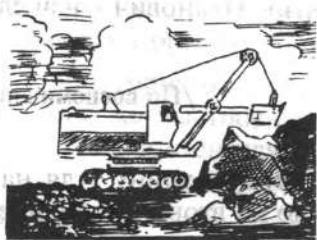
лопат, на конные подводы. Уголь отправляли на станцию Трудоармейскую...

... Радостная весть облетела окрестности строящегося горняцкого поселка летом 1948 года: едет хор имени Пятницкого! И потянулся народ с Караульного, Красного Брода, Уткино, ст.Трудоармейской посмотреть и послушать знаменитостей.

В это время в поселке была выстроена всего одна улица Краснобродская - два ряда деревянных финских домиков. По улице Первомайской строительство только-только началось, а по улице Новой велись работы по закладке фундаментов двухэтажных кирпичных домов. Кругом были раскиданы брезентовые палатки, в которых жили вербованные с Урала.

Артистов разместили в недостроенном брусчатом двухэтажном доме в начале ул.Краснобродской, а деревянный свеженастланный пол служил для них сценой. Три часа длился концерт, далеко по округе разносились звонкие сильные голоса хористов. Довольны были все: артисты, и зрители.

**/По воспоминаниям старожилов-
супругов Данильчук Павла Андреевич
и Надежды Федоровны/.**

ВЕХИ ГОРНЯЦКОЙ БИОГРАФИИ

17 октября 1947 г. - приказ министра угольной промышленности А.Стугарова за № 344/А об основании в VI квартале 1947 г. на Краснобродском и Новосергеевском месторождении не менее 5-ти мелких шахт и разрезов.

28 октября 1947 г. - на разрезе "Краснобродский" добыта первая тонна угля.

Конец декабря 1947 - из забоев разреза добыты первые 2000 тонн угля.

1950 г. - на станцию Угольная прибыли первые два паровоза.

28 декабря 1951 г. - разрез "Краснобродский" включен в число действующих предприятий треста "Беловоуголь" объединения "Кемеровоуголь".

1959 г. - разрез "Караульный" становится одним из участков Краснобродского разреза.

1965 г. - на разрез пришли первых два тепловоза.

1979 г. - достигнута самая большая добыча угля на разрезе - 4174 тыс.тонн угля.

1987 г. - открытчиками Кузбасса добыта миллиардная тонна угля, в поселке Красный Брод заложена памятная аллея.

В настоящее время в поселке Красный Брод проживает 51 полный кавалер "Знака шахтерской славы".

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

1. ЮДИН Петр Васильевич - машинист экскаватора "ОМ-201"
2. ПЕТУХОВ Владимир Иванович - механик участка.
3. ЗОТОВ Александр Германович - главный механик
4. ГАЙВАН Сергей Иванович - главный инженер
5. БУТ Иван Андреевич - начальник погрузки
6. МАКСИМЕНКО Николай Трифонович - кузнец
7. БЕРЕЗУЦКИЙ Илья Васильевич - электрослесарь
8. КАШЛЕВ Андрей - машинист С-153
9. КАЛДЫРОВ Андрей Андреевич - машинист С-153
10. АГАПОВ Геннадий Кузьмич -
11. КАШЛЕВА Мария Михайловна - мотористка
12. КУЛИКОВА Таисия Романовна - мотористка
13. ЛОБАНОВА Ираида -
14. КОНОНОВ Павел Александрович - зав. гаражем
15. РЫЖКОВ Константин Иванович - начальник службы
пути
16. ИСАЙЧЕНКО Илья Федорович - начальник станции
"Угольная"
17. МУРКИН Николай Иванович - начальник желдорцеха
18. КАЛИНИЧЕНКО Николай Антонович - машинист
паровоза
19. БАРКОВ Петр Григорьевич - машинист паровоза
20. ПРЯХИН Василий Сергеевич - машинист паровоза
21. АЗАРЕНКО Петр Григорьевич - составитель
22. ГАБИДУЛИН Василий Михайлович - составитель
23. МАКАРОВ - составитель

24. ХРОМОВ Николай Федорович - начальник локомотивного депо

25. МАРЧЕНКО Станислав Михайлович - главный инженер гидромеханизации

26. ОГРИЗЬКО Дмитрий Васильевич - главный механик

27. ДАНИЛЬЧУК Павел Андреевич - машинист гидромеханизации

28. ЛАРКИНА Мария Степановна - машинист землесоса

29. МАВРИН Андрей Федорович - начальник гидроучастка

30. КОВАЛЬЧУК Владимир Дмитриевич - гидромониторщик

31. МУЗЫЧУК Владимир Иванович

32. КОШКАРЕВ

33. ВАЙЦЕЛЬ Константин - горный мастер

34. АСТЕРТАГ Александр Иванович - горный мастер

35. ЩЕРБАКОВ Григорий Мехеевич - горный мастер

36. УРКИН Николай Кириллович - горный мастер

37. ЗАВАРЗИН Петр Прохорович - взрывник

38. ДЕРИЗЕМЛЯ Иван Петрович - взрывник

39. ШУЛЬЦ Виктор Александрович - водитель

40. КОРОЛЕВ Василий Захарович - бригадир плотников

41. КОБЕЛЕВ.....

СТОЯЩИЙ У ИСТОКОВ

Сюда съезжались и в будни, и в праздники. Здесь, на берегу озера, рядом с селом, находилась мельница, и тянулись повозки с окрестных деревень, груженные мешками с зерном. Мука получалась на славу, белая, рассыпчатая, без примесей, и довольные ездоки, стряхнув светлую слобную пыль, пускались в обратный путь.

А в праздничные дни в эти чудные живописные уголки с утра стекался народ. Располагались на поляне, кто поближе к зеркальной озерной глади - порыбачить, а кто подальше, под березами, рядом с леском - просто отдохнуть. Расстилались скатерти-самобранки - гулял народ. Устраивались состязания: кто-то мерил силы в борьбе, кто-то упражнялся в лодочных гонках, а кто-то - в конных бегах. И рыбаки не оставались в стороне: вон, щуки какие - от полуметра и более - сами просились в уху!

Середина 20-х годов, солнечный воскресный день. Здесь, у озера, рядом с мельницей, близ села Красный Брод, отдыхают и веселятся нарядные люди, съехавшиеся с ближних деревень: Уткино, Сергеевки, Пчелки, Искры, Карагайлы, поселка Карального... Разливаются песни под гармошку, кто-то бренчит на гитаре.

- Пацаны, меняться будем? - спрашивал Колька, бойкий, озорной мальчуган, у ребят, собравшихся на поляне. Он погрел набитыми карманами и высыпал оттуда звонкие цветные камешки - целое мальчишечье богатство. Вот красный, блестящий, овальный с синими крапинками, похожий на яйцо редкой птицы, а вот розовый, плоский с белыми точками. А малиновых, алых, бордовых галек самой причудливой формы и не счесть. Все это собиралось в прозрачной речной воде или на берегу речки Кривой Ускат, впадавшей в озеро.

А у меня во какой, - показывая крупный камень, размером с ладошку, говорил один из пацанов. - Смотри, как горит, - он поворачивал камешек, и тот искрился на солнце всеми гранями. - Игрушек таких не сыскать, какие были камушки, - вспоминает о своем далеком детстве Николай Андреевич

Чугунов, один из тех, кто стоит у самых истоков истории нашего поселка. Пожалуй, он один из последних, оставшихся в живых, свидетелей далекого прошлого.

Торги состоялись, и крупный розовый самородок пошел за десяток красивых цветных галек. Шумная ватага помчалась дальше, где ребята постарше и взрослые парни катались верхом на лошадях.

Любовь к лошадям проснулась у Николая еще в раннем детстве и не покидала его всю жизнь. Вольнолюбивое гордое животное манило к себе сочетанием дикого, первозданного и благородного одновременно. А что значит мчаться верхом на быстром скакуне, когда всадник и конь неразделимы, и только свист в ушах, да грива и хвост развеваются на ветру!

С мальчишками на конях они обскакали все окрестности. А вот в находящийся совсем рядом Караульный, маленький поселок, ездили с опаской, особенно, когда приближались сумерки. Караульный в народе прозвали Ловиловкой, и было за что. Когда-то там был дозор, вахтенные несли службу, следя за порядком на Екатерининском тракте, а позже, когда власть сменилась, здесь стало вольготно разного рода разбойному люду. Выслеживали повозки - люди ехали с базара, груженные товаром, - ловили их, грабили, а то и что хуже - убивали ездоков. В Сибири народ разный, пришлый, и не только добрый человек мог повстречаться на дороге.

Привязанность к лошадям этот человек сохранил до седых волос. Мы сидим, беседуем на скамейке его дома, находящегося в березовой роще, что в соседней с поселком Трудоармейке, и вдруг я чувствую чье-то теплое дыхание на затылке. Оборачиваюсь - и прекрасная лошадиная морда с белой продольной отметиной тычется мне в шею.

- Это Орлик, - с особой теплотой в голосе поясняет Николай Андреевич, - живет в конюшне при сельской больнице, а я его понемногу прикармливаю. Молодой конь, услышав свое имя, выпрямляется, показывая свою великолепную статью, и смотрит на хозяина умными темными глазами.

- Возьмите, отправьте меня в кавалерию, - со слезами на глазах умолял Николай, призванный на военную службу. Но моряки оказались нужнее кавалеристов, и Прокопьевский горвоенкомат направил его в военно-морское пограничное училище, что находилось в селе Мухино, местечке Медвежий Стан, под Ленинградом.

Началась война, и курсанты, выпускники училища, начали ходить в дозоре на пограничных катерах, охраняя ленинградскую землю. Как-то ночью, в самом начале войны, они попали под бомбежку. Катер раздробило снарядом, и пограничники оказались в холодной воде. Николай плыл долго, но силы покидали его. Вдруг он вспомнил родной дом, и озеро, и речку, где любил купаться в детстве. "Тогда я все же доплыл до берега, - мелькнуло давнее воспоминание Николая, - а ведь чуть не утонул... Все, не могу больше", - и, мысленно прощаясь с близкими, вытянул ноги, приготовившись уйти в холодную пучину. Внезапно ноги уперлись в спасительное дно. Тогда на берегу их оказалось четверо, четверо из тридцати восьми, выплывших в ту роковую ночь.

А потом было все, что положено на большой войне: госпиталь, служба на морских границах во Владивостоке, снова фронт, наступление под Брянском, ранение, офицерское училище в Тамбове, куда моряк был направлен на переподготовку. Но строгая медицинская комиссия признала будущего офицера, как и многих, прибывших сюда из госпиталей, по состоянию здоровья негодным к воинской службе, и пришлось фронтовику зимой 1944 года вернуться домой. Возвращался в родные края, долго шел пешком, пробираясь сквозь снежную метель.

Первое время работал в колхозе объездным, вернулся-таки к любимым лошадям, по которым успел так соскучиться на фронте. Позже его назначили начальником транспорта и заведующим подсобным хозяйством на шахте "Краснобродская", что существовала до конца войны и представляла собой небольшую штольню. Худенькие смешливые девчонки-москвички, присланные "Союзмясомолуглем", помогали перево-

зить уголь на лошадях и делали это достаточно умело. Уголь доставляли из села Красный Брод на ближайшую станцию - Трудоармейскую для погрузки в вагоны и отправки по назначению.

Одно из самых ярких воспоминаний того периода - как он, Николай Чугунов, отправлялся в Айрот-Туру, в далекие монгольские степи, и пригонял оттуда лошадей. Бывало, до 50-ти голов пригонял. "Союзмясомолуголь" закупал лошадей на мясо, но животные использовались по своему прямому назначению - для перевозок, что было нужнее.

После войны штольню закрыли, а год спустя геологи начали основательно копать в окрестностях села Красный Брод.

И закипела новая жизнь. Наехали с Урала буровики, экскаваторщики. Первопроходцы сначала жили в землянках и палатках; позже бараки поставили.

Рядом с селом построили контору, столовую, пригнали технику - и новорожденный разрез "Краснобродский" начинает добычу угля.

Пришлось Николаю Андреевичу расстаться с любимыми лошадьми. Боровиков, директор открывшегося разреза, угадал в бывшем фронтовике крепкую организаторскую жилку, увидел его умение работать с людьми. С одобрения Киселевского горкома - а тогда все руководящие должности назначались по партийной линии - Николай Чугунов начинает работать заместителем директора Краснобродского разреза, так сказать, правой его рукой. С того момента и до самой пенсии он в должности заместителя директора на разных предприятиях: то на вновь открывшемся разрезе "Новосергеевский", то в поселковой автобазе, куда его назначали переводом. Ширилось угольное производство, росли участки, отвалы, к югу от села строился горняцкий поселок, - и приходили в запустение, постепенно исчезали окрестные села и деревни: Уткино, Караульный, Сергеевка...

- Молодцы ребята, - вдруг говорит Николай Андреевич, - дело делом, а самое святое - кладбище, могилки не трогали, старались сохранить. С Уткино, правда, пришлось перенести кладбище -

более трехсот могилوک перевезли на Трудоармейскую гору. Там лежат те, кто еще в прошлом веке рожден был...

Без памяти о прошлом нет будущего, без памяти жизнь человеческая теряет смысл.

И снова нахлынули воспоминания. Николай Андреевич рассказывает, каким бурным был Кривой Ускат во время весеннего паводка.

- Иду как-то и вижу, как какой-то комочек барахтается в бурлящей темной воде. Подошел - и сразу в реку бросился: тонул ребенок. Мальчишка в школу шел и стал переходить речку по досточке, служившую мостом. Доска перевернулась - и понес, закружил ребенка водяной вихрь. Трижды в жизни испытал крещение водой этот человек: в детстве, когда тонул; на войне, после бомбежки и сейчас, спасая мальчишку. Спасенный мальчик вырос, выучился, стал большим человеком, а повстречается с Николаем Андреевичем, разговорится и с благодарностью вспомнит тот поистине счастливый для него случай.

... Мы идем по березовой роще, спускаемся по тропинке вниз и выходим на большую поляну. Орлик неотступно следует за нами. Отсюда хорошо, как на ладони, виден Краснобродский. Мы смотрим на север, туда, где раньше было село, а сейчас возвышаются отвалы горного участка. Экскаватор со взметнувшейся в небо стрелой кажется игрушечным, а чуть выше, в сгущающейся синеве повисла яркая мерцающая звезда. И семьдесят лет назад эта звезда светила бойкому неугомонному мальчишке.

До сих пор к нему тянутся люди, до сих пор у него живой, беспокойный характер. На пенсии Николай Андреевич, а продолжает работать заместителем главврача сельской больницы.

Я спрашиваю у старожила о самых первых жителях села Красный Брод, села, которого давно нет.

- А был такой Меркулов, грамотный, из культурных, видный мужик, бородку носил... Вот он первый в этом месте дом поставил. Большой дом, бревенчатый, двухэтажный. А потом, как грибы, дома повыврастали. Дома - по одну сторону, бани - по другую и тянулись так до самого озера. Когда коллективиза-

ция началась, Меркулов оставил дом, забрал семью и уехал отсюда. Говорили, в Прокопьевск уехал...

Мне интересно было узнать, что знает Николай Андреевич про историю, связанную с Красным Бродом - про Ивана-всадника, про его призрак. Называю фамилии Шишковых, Сосниных, Ивановых...

Вдруг мой собеседник оживает:

- Нет, Шишковые сюда позже приехали, а вот Соснины, те, что из карагайлинских чалдонов, - те здесь давно. Так я для себя выясняю, что возможная фамилия Ивана, о котором повествует местная легенда, - Соснин. Николай Чугунов хранит в своей памяти имена и судьбы многих людей и очень ревностно, взвешено относится к каждой подробности, детали, связанной с прошлым.

Он, пожалуй, один из последних, живущих ныне, свидетелей далекого прошлого, человек, стоящий у истоков истории села Красный Брод.

Совсем недавно Николай Андреевич перенес инфаркт. Шумят, шумят над головой березы, вливая живительные соки в больное, уставшее от забот, сердце.

Иногда ему снится сон, как он, молодой и сильный, несется верхом на коне, догоняя вечернюю зарю. Осталось позади село, озеро, речка, и, кажется, еще немного, и он, легкий и невесомый, взлетит в прозрачную синеву...

Лишь чуть забрезжит рассвет - и снова перед глазами родная до боли картина: шумящие в роще березы, синеющие в легкой дымке горные отвалы. Просыпаясь, он слышит пение птиц, ржание красавца Орлика.

Седовласый ветеран встречает утро нового дня.

МЫ ПОМНИМ ВАС, ЗЕМЛЯКИ, ПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЕННО

/Краснобродцы, не вернувшиеся с полей Великой
Отечественной/

В центре поселка, на площади Победы, установлен обелиск. Монумен, обделанный белыми мраморными плитами, украшенный бронзовыми барельефами скорбящей матери и коленопреклоненного воина, был воздвигнут к 40-летию Победы над врагом.

На мраморной плите в центре монумента - имена краснобродцев, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной...

Их было тридцать, наших земляков, ушедших на фронт и не вернувшихся в родной дом.

Существует старинное поверье. В дни поминовений, в дни всеобщей печали и скорби, нас могут увидеть те, кого уже нет давно с нами на этой земле. Стоит лишь вслух произнести имя и встать слева у надгробия.

Подойдите к обелиску, вчитайтесь в эти имена.

Помните: они из недосыгаемых высот смотрят на нас.

АНУФРИЕВ Петр Павлович - Кавалер ордена Красной Звезды, младший лейтенант, погиб при освобождении Польши в возрасте 20 лет;

АРЕСТОВ Афанасий Матвеевич - погиб без вести;

БАРНЕВ Александр Алексеевич - героически погиб в возрасте 21 год при взятии Кинегсберга;

БЕЛКИН Петр Иванович - погиб без вести;

КАПУСТИН Игнат Васильевич - погиб без вести;

КЛЕМИЧЕВ Александр Иванович - погиб при защите Смоленска в возрасте 39 лет;

КОЛОМЕЕЦ Николай Тихонович - погиб в возрасте 17 лет;

ЛАРКИН Петр Семенович - погиб в возрасте 37 лет при освобождении города-героя Киева;

ЛАРКИН Михаил Федорович - погиб в возрасте 21 года при освобождении Румынии;

МАКСИМЕНКО Владимир Трифонович - пропал без вести в возрасте 18 лет;

МАМОЧКИН Иван Михайлович - без вести пропавший в возрасте 18 лет;

НУЯНЗИН Василий Егорович - погиб в возрасте 36 лет при защите Ленинграда;

ПАВЛИЧЕНКО Тимофей Иванович - погиб в возрасте 39 лет при защите Смоленска;

ПАВЛИЧЕНКО Михаил Иванович - погиб в возрасте 31 год при освобождении Белорусии;

РЕПЕЦКИЙ Федор Михайлович - погиб в возрасте 34 года при освобождении Ленинграда;

РЕПЕЦКИЙ Павел Максимович - без вести пропавший в 19 лет;

СВИНЦОВ Дмитрий Афанасьевич - погиб в возрасте 34 года;

СТАРЧЕНКО Иван Федотович - погиб в возрасте 17 лет;

СТАРЧЕНКО Федот Денисович - погиб в возрасте 41 год;

ТРЕНЬКАЕВ Николай Сергеевич - без вести пропавший в возрасте 21 год;

ЩИГУНОВ Аркадий Иванович - погиб в возрасте 17 лет;

ШИШКИН Василий Евсеевич - погиб при освобождении города Бреста в возрасте 22 года;

ШИШКИН Николай Евсеевич - погиб в возрасте 18 лет на территории Пруссии;

БУЙМОВ Василий Иванович - без вести пропавший в возрасте 46 лет;

ГУСАРОВ Константин Михайлович - погиб в возрасте 18 лет;

ЗЮЗИКОВ Семен Архипович - погиб при освобождении Ленинграда в возрасте 49 лет;

СОСНИН Михаил Родионович - погиб в возрасте 29 лет;

ФЕДОТОВ Иван Леонтьевич - погиб в возрасте 24 лет под Курганом.

Я УБИТ ПОД ОРЛОМ

“Я убит подо Ржевом”

К.Симонов

Осенью 1942 года в дом Репецких, что находился на окраине поселка Караульный, пришло письмо с фронта. Маленький треугольный конверт принес горькую весть. “Погиб ваш Павел, простите нас, - писали однополчане. - Высылаем документы, находившиеся при нем.” Побледнела, помертвела от горя Софья Ивановна, солдатская мать, и заплакали в голос три сестренки и брат.

Все матери на свете одинаковы. Не способно материнское сердце примириться со страшной потерей.

Софья Ивановна подолгу разглядывала фотографию Павла и чем больше смотрела, тем более чувствовала, какое живое тепло излучают темно-карие сыновние глаза. “Нет, жив, жив Павел,” - подсказывало ей сердце, и в дни поминовений свечи за упокой солдатской души она не ставила.

Предчувствие не обмануло женщину. Ясным майским днем 1943 года, когда черемуха уже отцветала, а в низинах ярким пламенем горели сибирские жарки /огоньки/, на пригорке при спуске в поселок показался солдат. Он шел прямо к дому Репецких.

- Мама, Павлик приехал! - увидев брата, кричал Ваня Репецкий, и радостная весть облетела дома.

Была встреча, и слезы, и радость, и бесконечные рассказы...

В бою Павла ранило осколком в голову, и он пролежал на земле, почти бездыханный, без всяких признаков жизни. Погоревали фронтовые друзья-товарищи и отправили на родину убитого сослуживца печальную весть. Санитарам, выносившим раненых и убитых с поля, вдруг показалось, что солдат на носилках зашевелился. Так Павел Репецкий оказал-

ся в госпитале, где лежал без памяти на протяжении долгих месяцев. Но выздоровел, встал на ноги и память к нему вернулась. И вот солдат в родном доме, в краткосрочном отпуске. Погостил 5 дней - и снова на фронт.

Прощался с родными солдат, красивый, кареглазый, с черными вьющимися волосами. Прощался долго, и было у Павла в этот раз предчувствие вечной разлуки.

- Кажется, теперь я навсегда от вас ухожу, мама, - сказал он тихо напоследок.

... Бесконечно долго длился бой. Рота автоматчиков, командиром которой был Павел, шла на прорыв для воссоединения с нашими частями. Путь лежал в обход болота и оставалось пройти совсем немного. Вдруг взрыв потряс землю. Вокруг стало темно от дымного смрада, и Павел погружался во мглу, в черную бездну, но почему-то видел вдали яркое солнце.

И возникли перед взором родной дом, березы, речка, близкие лица...

“Как хочется сейчас домой, туда, сейчас, как никогда... Мама, сестренки, брат... Кажется, я убит... Неужели я убит? Мама... Прощайте все...” Ослепительный, яркий свет заполнил полнеба, и светлая, легкая душа отлетела в вечность.

Старший лейтенант Репецкий Павел Максимович пропал без вести в августе 1943 года во время боев на Орловско-Курском направлении /место предположительно/. Было ему двадцать лет.

Разрез "Краснобродский". Обслуга участка. 50-е годы.

Добыча угля в затопленном забое.

На гидроучастке. Начало 50-х годов.

Разрез "Краснобродский". 90-е годы.

Начальник механического участка Маврин. 1958 год.

Машинист Стригунов, помощник машиниста Плотников, бурильщик Максименко в забое. 1957 год.

Зав. конным двором на орловском рысаке Михаил Калашников. 50-е годы.

Группа старшеклассников на экскурсии. 55-й год.

Первый начальник разреза Боровиков Владимир Трофимович с сыновьями.

Управленческий аппарат
разреза "Краснобродский"
1950-й год.

Данильчук --Павел Андреевич и Надежда Федоровна. (Старожилы поселка).

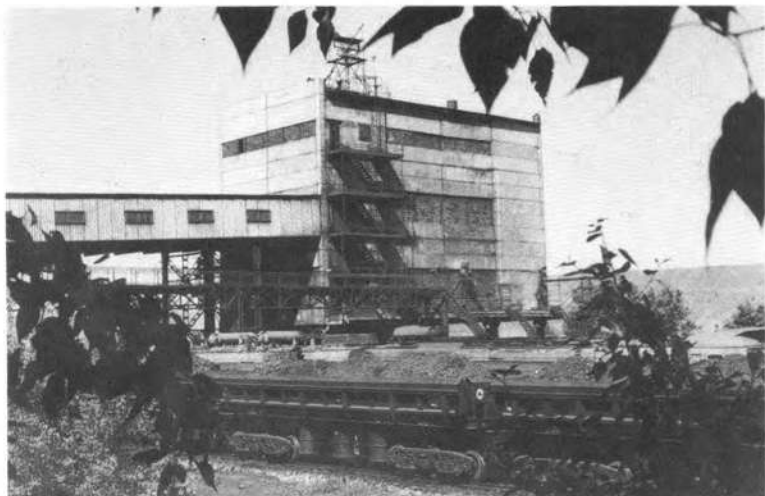
Гончаров Иван Григорьевич
Председатель Совета
ветеранов поселка
Полный кавалер
"Знака шахтерской славы".

Репецкие -- Николай Федорович и Таисия Федоровна. (Старожилы поселка).

Бурые -- Николай Филиппович и Лидия Александровна. (Старожилы поселка).

Станция "Угольная".

Участок ремонта локомотивов
ОПЭ-1 Краснобродского ПТУ.

Площадь Победы. У обелиска.

Буцыкин Дмитрий Кириллович.

Шельменко Георгий Филиппович.

Дрозд Николай Романович.

Маляров Павел Иванович.

Богданович Николай Ильич.

Горин Николай Никитович.

НИЗКИЙ ПОКЛОН ВАМ, ЗЕМЛЯКИ!

/краснобродцы, вернувшиеся с войны,
но ушедшие от нас/

Прощайте! Уходим с порога
Над старой судьбой не вольны...
Кончается наша дорога,
Дорога пришедших с войны.
Прощайте! Со временем вместе,
Накатом последней волны
Уходим дорогою чести,
Дорогой пришедших с войны ..

/М.Луконин/

Демьянов Семен Филиппович
Вельмискин Серафим Дмитриевич
Иванов Илья Максимович
Погарцев Михаил Власович
Шаталов Иван Филиппович
Шутиков Николай Алексеевич
Журавлев Михаил Максимович
Огрызко Дмитрий Васильевич
Степанов Василий Григорьевич
Шилова Лидия Александровна
Павлов Николай Алексеевич
Щербина Петр Григорьевич
Шишкин Семен Яковлевич
Шилов Николай Фадеевич
Захаров Александр Ильич
Зуев Егор Дмитриевич
Мясоедов Федор Никифорович
Варов Харитон Львович
Соловьев Петр Васильевич
Грязнов Василий Михайлович
Аршаулов Иван Прохорович
Родионов Владимир Владимирович
Милехин Николай Павлович
Вишняков Иван Власович
Кириллов Роман Алексеевич
Кошкарева Мария Ивановна
Ржевский Николай Иванович
Перминов Филипп Максимович
Мерзликин Василий Кириллович

Иванова Евдокия Ефимовна
Холдин Иван Иванович
Грищенко Павел Иванович
Шаталин Михаил Васильевич
Озеров Леонид Андреевич
Шишловский Викентий Викентьевич
Варфоломеев Алексей Андреевич
Гончаров Андрей Степанович
Калашников Павел Никифорович
Кузнецов Яков Дмитриевич
Щеголев Петр Федорович
Андронов Ивано Алексеевич
Зубаков Илья Тимофеевич
Уркин Николай Кириллович
Антипов Василий Павлович
Грибков Василий Петрович
Гусельников Петр Васильевич
Букин Николай Викторович
Воробьев Валентин Григорьевич
Ковачев Герман Васильевич
Селезнев Михаил Иванович
Уфимцев Иван Петрович
Шубин Василий Ипполитович
Журавлев Михаил Васильевич
Голенок Гаврила Аникеевич
Логунов Иван Харитонович
Лузянин Михаил Иванович
Мальцев Алексей Дмитриевич
Маврин Андрей Федорович

Шилова Зинаида Сергеевна
Явенко Владимир Алеквандрович
Старопупенко Георгий Павлович
Эсетров Сергей Иосифович
Марчуков Петр Александрович
Куликов Иван Федорович
Диянов Родион Кузьмич
Владимирцев Юрий Тимофеевич
Павлов Николай Алексеевич
Исаков Василий Алексеевич
Ивойлов Иван Константинович
Иванов Илья Максимович
Кудрявцев Иван Иванович
Костриков Михаил Петрович
Кузьмин Василий Федорович
Кот Алексей Федорович
Лаптев Дмитрий Иванович
Морозова Александра Константиновна
Погарцев Михаил Власович
Прокофьева Клавдия Захаровна
Смирнов Петр Иванович
Щербаков Григорий Михайлович
Шмелева Елена Яковлевна
Часовников Кирилл Абрамович
Ющенко Николай Павлович
Юдина Анастасия Гавриловна
Биркин Петр Яковлевич
Поляков Егор Яковлевич
Пархаев Петр Федорович

Климкин Николай Гаврилович
Данильчук Андрей Иванович
Мамонов Виктор Петрович
Варфоломеев Алексей Андреевич

○ Дорогие земляки! К сожалению, в этом списке отсутствуют фамилии краснобродцев-участников войны, ушедших от нас в 70-80 годы и раньше /не сохранились архивные данные/. Обращаемся к вам с убедительной просьбой: зайдите в Совет ветеранов поселка и оставьте там данные о своих близких, фронтовиках, не упомянутых в вышеизложенном списке. Это необходимо для создания Книги Памяти, которая будет храниться в поселковом музее.

ПОЛВЕКА ПРОШЛО, А БОЛЬ НЕ УТИХЛА

— Митька, пойдем в разведку “языка” брать? - помахав новобранцу рукой, спрашивает Тимофей.

Митька - это рядовой Дмитрий Буцыкин, а Тимофей - его племянник, тоже молодой солдат. Оба они зимой 1942 года Тайгинским горвоенкоматом были призваны в 33-ю армию, что с боями проходила по земле Белоруссии.

Дмитрий слушал Тимофея и не верил: ну кто же их, желторотых, только что прибывших на фронт, возьмет в разведку?

- Ничего, мы вас обучим, подготовим, - раздался рядом голос лейтенанта, такого же молодого, как и они сами. - Будете служить у нас в дивизионной разведке.

Дмитрий Кириллович приветлив и радуется любому проявлению внимания к себе. Ему трудно говорить и напрягать память - сказываются шесть тяжелых ранений, поэтому он немногословен, но каждое слово его весомо, значимо.

- Обучили нас, построили, поставили перед нами боевую задачу. Вышли ранним утром, до места дошли к вечеру. И вдруг стрельба. Поползли, пролезли через колючую проволоку. Я с гранатой впереди, не боялся, мне казалось, ничего, чепуха, - вспоминает ветеран.

Оказались они нос к носу с врагом, и завязался кровопролитный бой - первый бой в жизни молодых солдат. Еле-еле удалось отбиться и выбраться из засады.

В том бою новоиспеченного разведчика ранило. Пуля, задев шею, прошла навывлет через грудь. Тимофея тоже ранило - в ногу. С трудом добрались до своих, их сразу же отправили в госпиталь.

Вот такое было первое боевое крещение. “Языка” тогда не взяли. Это было потом.

Много самых разных событий хранит память ветерана, но есть во фронтовой биографии Дмитрия Буцыкина эпизод, в который, по его словам, вместились вся война.

А дело было так. Дмитрий после госпиталя служил уже в другом полку. Брали высоту. В передышке после затяжного боя готовились к новой атаке. Наши воины в белых масках-латах для пушей надежности укрылись под снегом. И вот сигнал к штурму - длинная автоматная очередь.

- Ребята, за мной, не отставайте. Только не отставайте! - кричал комсорг Буцыкин.

Атака, натиск, бой, потери - и взята высота. Стихло все. Отдыхают солдаты, перевязывают раненых, уточняют потери.

Молоденький парнишка полез на самый верх возвышенности, где проходила траншея, оглянулся вокруг.

- Здорово! Вот это да - такую высоту одолели! - солдатик светился от радости. - Теперь всех нас наградят.

- Слезай оттуда! - крикнул ему Дмитрий.

- Да никого здесь нет!

И вдруг раздался выстрел. Немецкий снайпер действовал точно и хладнокровно, снимая живую мишень. Это было жуткое зрелище: пуля снесла парнишке полголовы. Он лежал ничком в луже крови, и мозги были и на снегу, и на полушубке находившегося неподалеку Дмитрия.

- Что тут разыграло во мне, - приглушенным голосом говорит ветеран, - ярость, злоба, как назвать, не знаю. Но решил я во что бы то ни стало уничтожить того фашиста.

Пожалуй, все самое лучшее поднимается из глубины души русского человека в экстремальных ситуациях, когда он идет на благородную месть, на правое дело.

Случай помог Дмитрию: он видел вспышку выстрела и знал точно, где засел снайпер. Но как тягаться русскому солдату, наскоро обученному в условиях войны, с прекрасно подготовленным немецким асом? И тут выручила солдата смекалка.

В траншее, куда спустился Дмитрий, лежало несколько немецких винтовок. Посмотрел - чистые, выбрал одну, а затем, осторожно оглядываясь, приглядел большую глыбу грунта, образовавшуюся от разрыва снаряда.

- Пополз туда, спрятался за глыбой, притаился, наблюдаю за немцем, - продолжает Дмитрий Кириллович. - Его хорошо было видно: то привстанет, то снова сядет. А я шапку снял и положил ее повыше, слева. Пошевелил тихонько шапку, и миг спустя выстрелил одновременно с немцем. Только тот попал в шапку, а моя пуля сразила снайпера. Обманул я фашистскую морду, попал в него, отомстил...

Он продолжает вспоминать о войне, рассказывает, как после очередного ранения и лечения в госпитале попадает снова в разведку. Вдруг ветеран замолкает, и глухие рыдания сотрясают его плечи. Сотни километров пройдено по дорогам войны, столько выпало страданий и горя, но незаживающая рана сердца - та страшная картина: на окровавленном снегу искалеченное тело, то, что мгновение назад было веселым, славным пареньком, так радовавшимся взятию высоты. Полвека прошло, а боль не утихла. И та же ненависть к врагу.

А война продолжалась, и воевал солдат Дмитрий Буцыкин отчаянно, неистово. И "языков" не раз брал, и не одну высоту штурмовал, и ранения получал. Два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, медали "За отвагу", "За взятие Кенигсберга", "За победу над Германией" - вот далеко не полный список его фронтовых наград.

Выстоять в военное лихолетье помогали солдату не только напористость, смекалка, но и песня. Дмитрий Кириллович любил петь с детства, и у него сильный, звонкий голос. В школе он был запевалой, а на фронте в минуты передышки роднила с далеким домом задушевная песня.

И вот солдат дома, в родном Кузбассе, в Тайге. Целеустремленный, беспокойный человек везде одинаков: и на поле брани, и в мирном труде.

Сначала работал фрезеровщиком, а затем его направили в партийную школу в Кемерово.

В Краснобродский Дмитрий с семьей приехал весной 1957 года после работы парторгом на ст.Трудоармейской.

С этого момента он был в гуще производственных дел, много работал с людьми. Это и понятно, ведь Дмитрий Кириллович был секретарем парторганизации разреза “Краснобродский”. Работал и горным мастером, и инженером, словом, вся трудовая биография посвящена разрезу. Сейчас ветеран на пенсии.

Выросли, определились в жизни пятеро его детей: три сына и две дочери.

12 августа этого года у Дмитрия Кирилловича и славной супруги его Зои Петровны золотая свадьба.

Болен он, наш ветеран, дают знать о себе фронтовые раны. И на войне, и в мирное время отдавал себя людям. Другой жизни он и не представлял.

Дмитрий Кириллович заканчивает воспоминания, отдыхает. Устал, любое движение дается ему с трудом. Он приляжет, останется наедине с собой, и память снова и снова вернет ветерана в ту далекую военную зиму, на белорусскую землю, где на отвоеванной высоте, уткнувшись в багряный от крови снег, остался навечно лежать молоденький русский солдат.

Война продолжается в памяти ветерана.

В ту далекую победную весну с фронта вернулся не только Дмитрий, но и племянник его, Тимофей. Тот самый, с которым впервые пошли за “языком”.

Видно, над ними была счастливая звезда.

“Я МОЛИЛАСЬ ЗА ТЕБЯ ВСЮ ВОЙНУ, СЫНОК...”

Мокрые снежные хлопья летели, не переставая, в спину дул пронизывающий ветер, грязь вперемешку со снегом затрудняла ходьбу. Где-то далеко раздавалась стрельба, сталинградские кварталы замерли в тревожном ожидании. Был конец октября 1942 года. Рядовой Николай Богданович шел на первое в своей жизни боевое задание. Минуло всего две недели, как их, молодых ребят, только что призванных на военную службу, начали готовить к боевым действиям на передовой. И вот уже в составе маршевой роты идут на врага.

Показались корпуса тракторного завода, где-то левее осталась Мамаев курган, но вдруг все почувствовали, как земля заходила под ногами. В один миг смешалось все: грохот орудий, взрывы, грязное снежно-дымное облако заслонило свет.

- За Родину! Ура! - эхом перекатывалось многоголосие: маршевая рота пошла в атаку.

После первого боя, после грохочущего кровавого ада от роты в 70 человек в строю осталось только трое.

- Страшно в обычном понимании только вначале, - рассказывает Николай Ильич Богданович, ветеран войны и труда. - А после что-то, видимо, перевернулось в сознании, и прежнего страха уже не стало.

Ветеран раскладывает на столе множество фотографий, аккуратные стопки документов военной поры, награды, альбомы.

Николай Ильич улыбается и продолжает рассказывать. Это красивый, открытый, эмоциональный человек, сохранивший военную выправку, легко узнаваем на снимках военного времени. Такой же стройный, только волосы седые.

Ранило его совсем неожиданно. Снаряд просвистел где-то рядом. “Пронесло”, - решил Николай и хотел подняться. Но

почему-то сильно прижимало к земле, а еще странный привкус ощущал во рту. Рукав гимнастерки наполнился чем-то теплым и влажным.

После лечения в госпитале попал Николай Богданович в прославленную 116-ю Сибирскую дивизию, в 656-й полк. Сразу в самое пекло, на прорыв Курской дуги, туда, где светлое утро от взрывов и гари превращалось в темную ночь. Было жарко не только потому, что стоял знойный июль. И днем и ночью дрожала от шума земля: стягивали технику, шло и шло подкрепление к Белгороду. Роту за ротой бросали на прорыв, не давая врагу опомниться.

На обратной стороне пожелтевшей от времени справки с истлевшими сгибами блеклая карандашная запись: "Погиб Вася Белов". Николай Ильич поясняет:

- Вася - близкий друг. На войне ведь быстро сходились, а боль от потерь оставалась навсегда. Погиб дружок на глазах у меня, во время обстрела...

А дивизия, освободив Белгород, шла с боями дальше, на Харьков. Август 43-го выдался в тех местах знойным, засушливым. Перед батальоном была поставлена очень сложная задача: овладеть железнодорожным пунктом.

- Враг в окопе прочно закрепился, - продолжал Николай Ильич, - а мы в атаку поднялись в полный рост. Несколько раз наступали, в результате сильно вклинились в расположение противника и оказались отрезанными от наших. Не было питьевой воды, пищи, питались кукурузными початками с поля. Вдруг обнаружили туннель под железнодорожным полотном. Это был единственный спасительный путь. Но туннель простреливался, и все же было принято решение пробираться вперед. Завязался жестокий бой. Цена его - сотни жизней. Из батальона в 700 человек пробрались через туннель и вышли к роще около 15. Тут подоспела помощь, и противник был отброшен от железной дороги.

А пехота шла дальше, на запад. И мелькали названия городов, сел, рек. Осень 1943 года. Остался позади Кременчуг, форсировали Днепр, а затем в составе Корсунь-Шевченков-

ской группировки - Днестр. И снова вперед, уже на молдавской земле: освобождены города Флорешты, Сороки, Бельцы... Легендарная 116-я Сибирская подошла к границе Румынии.

- Когда форсировали Прут и вошли в Румынию, - говорит Николай Ильич, - желание остаться живым возникло с новой силой. Пока были на родной земле, об этом не думал, знал, что шел на смерть. Но когда Родина оказалась позади, так захотелось вернуться домой.

Однако война распорядилась по-своему. Солдат был контужен в одном из боев и направлен в медсанбат.

А потом были бои в Польше, прорыв Сандомирского плацдарма, Восточная Пруссия. И опять пехота отмеряла километры по чужой земле.

Однополчанин Григорий Голубь, артиллерист, говорил Николаю:

- Смотрю я на вас, пехоту, и удивляюсь, как вы выдерживаете, вечно в грязи. в воде, а ведь еще и оружие надо чистым держать... Мы то что, мы на технике...

Войну завершил в Чехословакии, где застало его известие о победе. Вот так сержант Николай Богданович прошел пол-Европы, от Сталинграда до Праги. Ему выпал счастливый жребий - остаться живым.

Улицы Праги сияли огнями и улыбками. Играли оркестры, на площадях кружились в вальсе пары. открыли двери рестораны и кафе. Столица Чехословакии встречала своих освободителей.

Ордена Славы и Отечественной, две медали "За отвагу" и другие украшали гимнастерку вернувшегося домой солдата.

- Я молилась за тебя всю войну, сынок! - такими словами встретила его плачущая от счастья мать.

И началась другая жизнь - мирная, в которой тоже было немало событий, проблем и радостей. С 1959 года работал

Николай Ильич в Краснодарском ПТУ машинистом тепловоза, добавив к боевым наградам два ордена за труд.

- Знаете, а дочка моя с внучками вот уже восемь лет живет в Германии, - так неожиданно закончил ветеран свой рассказ и задумался о чем-то своем, не в силах вырваться от нахлынувших воспоминаний.

**“ГОВОРЯТ, СУДЬБУ НЕ ВЫБИРАЮТ. ЭТОМУ
ЧЕЛОВЕКУ СУДЬБОЙ БЫЛ БРОШЕН
ГОРЬКИЙ ЖРЕБИЙ, НО ОН ВЫБРАЛ
ДРУГУЮ ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ ПОСЧИТАЛ
БОЛЕЕ ДОСТОЙНОЙ ДЛЯ СЕБЯ...”**

Скрипят колеса на разные лады, подпрыгивает повозка на неровностях проселочной дороги; впереди - алый шар восходящего солнца, позади - километры, километры, километры...

Лето 1930 года. Семья Шельменко с многочисленной родней переезжает из Омской области в Алтайский край. Быстро был собран и погружен нехитрый скарб на телеги, расселись по повозкам отъезжающие. “С богом!” - произнес отец, и вот 18 человек, взрослые и дети, двинулись на лошадях в неблизкий путь. Заскрипели колеса, запрыгали повозки на колдобинах - и скорей, туда, на Алтай, где живут богаче и счастливее.

... Шестилетний Гоша проснулся и, стараясь не разбудить спящих в телеге братишек и сестреночек, долго смотрит ввысь, в синеву, где, распластав крылья, парит огромная птица.

По пути встречаются станции, деревни. Вид последних являет жалкое зрелище. Все будто вымерло: ни людей, ни скотины, ни собак. Пустые дома глядят на проезжающих черными глазницами окон, да ветер гоняет бумажки и мусор в заброшенных дворах.

Раскулачивали, ссылали середняков, а многие, боясь репрессий, бросали нажитое и уезжали. Лишь изредка встречались 2-3 двора, где теплилась жизнь. И то верно: куда бедняку податься?

Не один фунт лиха пришлось хлебнуть Гоше Шельменко и его семье на хваленной алтайской земле. Жизнь там оказалась ничуть не лучше, чем в других местах, и вскоре после приезда отец подался на заработки в Новокузнецк, а мать заболела тифом и надолго слегла. Делать нечего: попрыгали ребятишки в телегу и отправились побираться по дворам и близлежащим

деревням. Выстояли дети в то голодное лихолетье, и мать выходили, помогли ей встать на ноги.

И как бы ни трудна была жизнь, но скрашивала ее хорошая веселая песня: Гоша умел и петь, и неплохо играл на балалайке. Шло время, и озорной, неунывающий мальчишка превратился в высокого синеглазого юношу, который с удовольствием брэнчал на гитаре.

Начинается война, и выпускник Кемеровского пехотного училища Георгий Шельменко в феврале 1942 года попадает на северо-западный фронт. Туда, в самое пекло, где на Калининском направлении гремят тяжелые бои, идут всем училищем сразу.

Теперь Георгий пулеметчик, командир стрелкового отделения, и для него начинается большая война.

В памяти любого ветерана всегда отыщется несколько фронтовых эпизодов, которые запомнились так отчетливо, как будто это случилось только вчера.

Июль 1943 года. Орловско-Курская дуга. Наши войска продвигаются в направлении от Ельца к Орлу.

Часть, где служит Георгий, расположилась неподалеку от станции Оптуха. Ему и Уфимцеву Алексею, земляку из Прокопьевска, было поручено разведать станцию с северной стороны.

Скрываясь в густой траве, ребята осторожно поползли и добрались до кирпичного жилого дома, находящегося на окраине. В застывшем воздухе стояла знойная летняя тишина. “Неужели здесь могут быть немцы?” - этот вопрос волновал обоих. Прячась за сараями, пристройками, Георгий и Алексей продвигались в глубь станции. Вдруг где-то рядом раздалась пулеметная очередь.

- “Льюис”, - шепнул Георгий товарищу. Было ясно: немцы засели где-то поблизости. А пулемет строчил вновь и вновь.

Пришлось ползти огородами к предполагаемому месту нахождения пулемета. Наконец-то добрались, уткнулись в стену какого-то дома и, боясь издать малейший шорох, полезли

вверх по пристройке. С крыши проникли на чердак и, прислонившись с двух сторон к прохладной печной трубе, поняли: пулемет здесь, внизу, под ними, в этом доме. Сняв сапоги, солдаты забрались на крышу. Еще минута - и две гранаты "Ф-1", поочередно одна за другой опущены в трубу. Раздался взрыв, провалилась труба, подняв облако из цемента, пыли и штукатурки. Замолчал пулемет.

Спустившись, солдаты обнаружили развороченную печь, разбитый пулемет и двух погибших немцев, застигнутых взрывом врасплох. Немного спустя рота наших солдат овладела улицей и продвинулась в глубь станции. Тогда немцы с другого конца открыли минометный огонь. Но вовремя подошло подкрепление, и в результате перестрелки станция Оптуха была освобождена нашими воинами.

За этот подвиг Георгий Шельменко и его друг Алексей Уфимцев были награждены медалями "За отвагу".

- Это была высшая солдатская награда на той войне, - добавляет ветеран. - Много пота и крови она стоила.

Солдату Шельменко довелось участвовать в оборонно-наступательных боях под Ржевом, и в генеральном наступлении на Орловско-Курской дуге, воевать в составе танкового десанта под Воронежем. Весной 1943 года Георгий был направлен в Рязань, в танковое училище, но выучиться на танкиста так и не пришлось.

- Не приняли нас, слишком много желающих было. Поляков вот взяли, а наших оставили, - объясняет Георгий Филиппович.

Беседуя с ветеранами, я часто спрашиваю об одном и том же: "Было ли чувство страха перед атакой? Как считаете, почему удалось выжить?"

В этот раз услышала в ответ:

- Нет, страха не было вначале... Не было такого понятия перед первым боем, не успело сформироваться. Знали: война - там всегда трудно... В бой шли как одержимые. А чего боялись, так это плена, - ветеран на минуту задумывается. -

А выжили благодаря старичкам. И по шее от них получали, когда забывались, высывались из окопа. Частенько поначалу слышалось от них: “Что, жить надоело?”

Ранило его под Курском в одном из боев, ранило тяжело. В госпитале Георгий часто вспоминал не тяготы военного житья-бытья, а то радостное, что иногда случалось во фронтовой жизни, - приезд Руслановой и Шульженко в их часть.

Концерт шел прямо в лесу. Два автомобиля - импровизированная сцена, деревья, птицы, небо - декорации.

далеко разносился сильный голос Руслановой, лились широко и свободно веселые русские песни. А как проникновенно пела Шульженко! Западали в солдатское сердце, несли надежду ее слова о любви, верности, фронтовой дружбе.

Четыре долгих месяца лечения позади, но после выписки на фронт Георгий уже не попал.

- После госпиталя, в конце 43-го, получил нестроевую, - продолжает ветеран, - а затем был зачислен в Ленинградское училище военных сообщений, что находилось тогда в Ярославле. Стал шоферить, попал в 80-й железнодорожно-мостовой батальон. Восстанавливали разрушенные мосты, строили новые. И здесь тоже не все было гладко.

Однажды, уже после войны, в г.Пскове возили на машинах по зимнему льду камень по реке Великой, ставили “быки” для укрепления фундамента под будущий мост. Для безопасности с кабин машин сняли двери, чтобы успеть выскочить в случае чего. дело шло к завершению, машины вереницей ползли по льду - и вдруг треск, в проеме между льдинами показалась темная вода.

Две машины, что шли впереди, начали погружаться, уходить под лед. Один из шоферов успел выпрыгнуть, а второй вместе с машиной так и сгинул в ледяной черной воде...

Машина Георгия покатилась, он выпрыгнул на ходу и, барахтаясь в полынье, цепляясь за льдины, все же выкарабкался на безопасное место.

А еще говорят, не бывает судьбы у людей. Еще как бывает!

Отгремели салюты Победы, люди вернулись к мирному труду. Казалось, теперь только жить и радоваться. Оно, может и было так, но не для Георгия.

Эхо войны настигло его в светлый августовский день 1946 года. Ехал по привычному маршруту, песенки напевал - и вдруг взрыв, хаос, осколки. Фронтовик Георгий Шельменко подорвался на противотанковой mine уже в мирное время. Получил тяжелейшую контузию с потерей слуха, речи. И снова госпиталь, снова мучительное лечение.

- Досадно было: на фронте вон как худо было, и ранен был не раз, но выжил, остался в строю. А тут...

И все-таки благодарил судьбу: жив, руки-ноги целы, что еще надо!

После выписки Георгий был снят с воинского учета, но от предложенной инвалидности отказался: рано его списывать со счетов, вон какой с виду богатырь! И пошел он шоферить. Женился, приехал к родителям в Новокузнецк. Шоферил в Байдаевской автоколонне, работал начальником Зеньковской автоколонны.

Вскоре Георгия направляют учиться в харьков в техникум промышленного транспорта.

Учеба в солнечном украинском городе запомнилась тем, что однажды вместе с ребятами из техникума случайно оказался в гостях у младшей сестры Клавдии Шульженко. Георгий вспоминал фронтовой концерт, сравнивал сестер и отмечал их внешнее сходство.

После техникума вернулся в Кузбасс и, работая на автобазах Новокузнецка и Польшаева, прошел путь от мастера до директора.

Летом 1954 года семья Шельменко приезжает в Красный Брод. Здесь Георгий Филиппович работает главным инженером Строевской автобазы, но в связи с реорганизацией предприятия снова сел за любимую баранку - пошел шоферить в Новосергеевскую контору гидромеханизации. Немного поработал там завгаром, а с 1958-го по 1984-ый год постоянно

трудился на разрезе “Краснобродский”, где сначала был механиком, а затем мастером в автотракторном парке. Так и проработал там до выхода на пенсию.

О таких, как Георгий Шельменко, говорят: человек негибимой воли. Он не отступил под гнетом жизненных обстоятельств, остался в строю. Судьбой ему был брошен печальный жребий - инвалидность после тяжелой контузии, но этот человек сумел выстоять, выбрав для себя более достойную участь.

Ветеран идет по жизни с гордо поднятой головой.

МИКОЛКИНЫ УНИВЕРСИТЕТЫ

Школа находилась рядом с хутором, за которым начинался густой сосновый бор.

- Подожди, я с тобой, - спешно натягивая рубашку, говорил Миколка старшей сестре, готовившейся идти в первый класс.

Учительница взглянула на голубоглазого мальчику, усевшегося рядом с сестрой за парту, и только вздохнула: уж больно мал... За окном стоял погожий сентябрьский день 1932 года.

- Ваш сын ходит в первый класс, учится, - говорил директор школы родителям Миколы, думая, что мальчуган тайком от взрослых посещает уроки.

Отец рассудил:

- Ну что ж, раз есть желание - учись!

Слово отца в семье, где подрастало восемь ребятишек, было законом. В ту пору дети рано становились взрослыми, были приучены к любой, даже самой тяжелой работе. Детства, по сути, у них не было: время проходило в постоянной помощи по хозяйству да в учебе.

Судьба распорядилась так, что, окончив семилетку незадолго до войны, попал Микола Дрозд вместе со всей семьей из крымских краев в суровую Сибирь. В сороковом году по плановому переселению/была такая линия партии/ они покинули Херсонскую область и поехали на Алтай на станцию Калманка. "Куда он с такой оравой подался?" - сочувственно вздыхали хуторяне. Но большая семья, с трудом сводившая концы с концами, переездом надеялась на лучшую жизнь. Сибирские вольные земли манили многих.

Когда грянула война, Миколка, тогда уже Николай, в 17 лет по призыву Калманского райвоенкомата в ноябре 1943 года был направлен на учебу в 9-й отдельный учебный полк на станцию Мальта, что в Иркутской области. А в июле 1944-го Николай Дрозд попал на ленинградский фронт, где служил командиром отделения стрелкового полка.

Не очень любит вспоминать ветеран-орденоносец о войне. “Трудно было, и смерти боялись, но воевали с надеждой на близкую победу”.

Многое довелось испытать восемнадцатилетнему пареньку: и тяжесть боев, и ранение, и лечение в госпитале. День Победы встретил в Латвии. Воевал на Третьем Прибалтийском фронте. Участвовал в уничтожении Курляндской группировки. Орден Отечественной войны первой степени, медали - оценка его боевого пути.

После войны Николай Дрозд служил в Германии, в Штраусберге. И тут судьба уготовила ему удивительную встречу. Однажды в погожий летний день его вызвали:

- Старший сержант Дрозд, на выход!

Вышел и глазам не поверил: земляк, одноклассник Костя Готов, с которым вместе были курсантами, при полном параде стоял у проходной. После “учебки” попали они в разные части, воевали в разных местах, и вот встретились на чужбине, за тысячи километров от дома. Сколько было воспоминаний!..

Лишь спустя шесть лет после войны Дрозд вернулся к родным. Женился на славной девушке, переехал в Новокузнецк, работал на КМК. Потом закончил курсы экскаваторщиков.

В марте 1955 года Николай Романович прибыл в Краснобродский, чтобы осваивать открывшийся тогда разрез “Новосергеевский”. Здесь и остался, пустил корни.

“Новосергеевский” - особая веха в биографии этого человека, венец его трудовой деятельности. 40 лет отдано нелегкому горняцкому труду. А работать он ого как умел! Выкладывался весь, без остатка. “Для ребят, для своей бригады ничего не пожалее, лишь бы зарабатывали”, - говорили о Николае Романовиче Дрозде на разрезе. На красочном стенде “Наши орденосцы” среди награжденных орденом Ленина первой была вписана его фамилия.

Жизнь этого человека отдана разрезу, поселку. Здесь выросли три его дочери. Одна из них, Любовь Николаевна

Иванова, заслуженный учитель России, преподает в Киселевске. Унаследовали дети от родителей самое доброе: понимание того, что в труде предназначение и смысл человеческой жизни.

- Девятый год мы в благоустроенной квартире, - рассказывает Николай Романович, - а до этого жили в финском доме. Там и хозяйство, корова. Летом ездили на покос, ближе к осени - в тайгу, по грибы-ягоды.

И вспоминает, сравнивая украинский пейзаж с сибирским: "Здесь, в тайге, все как-то дико, первозданно, нагромождение деревьев разных пород, бурелом, а там в сосновых лесах природа расположила деревья в определенном порядке, и рвутся в лазурное небо огромные сосны... Но и здесь, и там своя, особая красота".

Недавно приезжала с Украины навестить сына старенькая мать.

- 97 стукнуло, - говорит Николай Романович, - а из люльки мотоцикла выбралась, как молодая. да и в гостях держалась молодцом. Из восьмерых детей семеро сейчас живы. Отца нет, до 90 дотянул и умер. - И добавляет: - А школы, что в сосновом лесу была, давно нет. Сожгли ее немцы во время оккупации...

Таков он, Николай Романович Дрозд, ветеран войны и труда, награжденный четырьмя орденами /один - боевой, другие - трудовые: Ленина, Трудового Красного Знамени, Трудовой Славы III степени/ и множеством медалей, один из самых знатных и первых горняков разреза "Новосергеевский".

Сказали б тому голубоглазому Миколке, который так хотел учиться, что будет он седым, что будет ему семьдесят, что столько орденов заслужит, наверное, ни за что не поверил. В той школе, что в сосновом бору была, он лишь семь лет проучился. А потом... Всю жизнь проходил "университеты", боевые и трудовые...

ОНИ ЖИВУТ РЯДОМ С НАМИ

/краснобродцы - ветераны Великой Отечественной войны/

Горин Николай Никитович - 1923 г.р., воевал: Северо-Западный фронт; награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1972 г.

Бикейкин Петр Ильич - 1921 г.р., воевал: Западно-Байкальский - Амурский фронт; награды: медали "За победу над Германией", "За победу над Японией", орден Отечественной войны, орден Красной Звезды. Живет в поселке с 1964 года.

Деткин Николай Кириллович - 1931 г.р., воевал: 4 Украинский фронт, награды: медаль "За оборону Ленинграда" и "За боевые заслуги". Живет в поселке с 1959 года.

Морозов Николай Степанович - 1923 г.р., воевал: 3-й стрелковый полк, Курская дуга, награды: медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1958 года.

Абрамова Татьяна Кузьминична - 1922 г.р., воевала: Ленинградская область, Новгород, награды: медаль "За отвагу". Живет в поселке с 1956 года.

Негода Захар Афиногенович - 1925 г.р., воевал: 2-й Прибалтийский фронт, Курляндская группировка, награды: медали "За отвагу", "За победу над Германией", "За победу над Японией". Живет в поселке с 1970 года.

Сорокин Илья Егорович - 1924 г.р., воевал: 2-й Украинский фронт, 141 разведроты, награды: орден Отечественной войны II степени. Живет в поселке с 1973 года.

Волков Михаил Федорович - 1926 г.р., воевал: 3-й Украинский фронт, 425 минный полк, награды: медаль "За отвагу", орден Отечественной войны, медали "За взятие Вены", "За победу над Германией". Живет в поселке с 1959 года.

Зверев Василий Михайлович - 1921 г.р., воевал: Ленинградский фронт, остров Эзек, 39 артполк, награды: орден Отечественной войны, юбилейные медали. Живет в поселке с 1952 года.

Мартыщенко Александр Дмитриевич - 1920 г.р., воевал: на Центральном направлении, АДФ, награды отсутствуют. Живет в поселке с 1951 года.

Каравая Фаина Александровна - 1922 г.р. воевала: 2-й Дальневосточный фронт, 25 отдельный полк связи, награды: медали "За победу над Германией" и "За победу над Японией". Живет в поселке с 1957 года.

Пудов Максим Гаврилович - 1918 г.р., воевал: Дальневосточный фронт, награды: орден Отечественной войны, медали "За победу над Германией" и "За победу над Японией". Живет в поселке с 1948 года.

Кузнецов Афанасий Федорович - 1923 г.р., воевал: Смоленское направление, награды: орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1949 года.

Маляров Павел Иванович - 1922 г.р., воевал: Сталинград, 2-й Белорусский фронт, 1348 полк, награды: 2 ордена, 12 медалей и 6 благодарностей Сталина. Живет в поселке с 1948 года.

Глечиков Иван Андреевич - 1923 г.р., воевал: 1-й Украинский фронт, взятие Берлина, награды: орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1950 года.

Зорин Данил Гаврилович - 1919 г.р., воевал: Прибалтийский фронт, награды: орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1965.

Пыжов Иван Иванович - 1913 г.р., воевал: Ленинградский фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1949 года.

Макарова Зинаида Федоровна - 1924 г.р., воевала: 4-й Украинский фронт, награды: орден Отечественной войны,

медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1973 года.

Калинин Иван Филиппович - 1926 г.р., воевал: 1-й Белорусский фронт, награды: Орден Красной Звезды, Славы III степени, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1951 года.

Юрьев Петр Егорович - 1926 г.р., воевал: Дальневосточный фронт, награды: "За победу над Японией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1953 года.

Волков Михаил Алексеевич - 1915 г.р., воевал: Северо-Западный фронт, 732 стрелковый полк, 235 стрелковая дивизия, 11 армия, награды: медаль "За Победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1954 года.

Никитин Николай Витальевич - 1925 г.р., воевал: 990 стрелковый полк, морская пехота, награды: медали "За боевые заслуги", "За победу над Германией". Живет в поселке с 1955 года.

Лебедев Павел Николаевич - 1921 г.р., воевал: 1-й Украинский полк, 631 артполк, награды: медаль "За отвагу", орден Отечественной войны II степени, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1951 года.

Белов Василий Григорьевич - 1918 г.р., воевал: Западный фронт, награды: орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1949 года.

Храмов Виктор Дмитриевич - 1915 г.р., воевал: 17-й отдельный батальон, 54 саперная бригада, награды: медаль "За отвагу", орден Отечественной войны, "За победу над Германией". Живет в поселке с 1955 года.

Данильчук Степан Андреевич - 1927 г.р., воевал: 1-й Дальневосточный фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Японией". Живет в поселке с 1932 года.

Клименов Геннадий Иванович - 1925 г.р., воевал: 3-й Украинский фронт, 62 гвардия /после 8 гвардия/, 60 гвардей-

ская дивизия, 185 гвардейский полк /Донбасс/, награды: Орден Отечественной войны I степени. Живет в поселке с 1955 года.

Узун Георгий Константинович - 1921 г.р., воевал: Дальневосточный фронт, награды: Орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1942 года.

Шельменко Георгий Филиппович - 1924 г.р., воевал: Северо-западный фронт, Орловско-Курская дуга, награды: орден Отечественной войны I степени, медаль "За отвагу", "За победу над Германией". Живет в поселке с 1954 года.

Яковлев Алексей Иннокентьевич - 1924 г.р., воевал: 22 Гвардейская воздушно-десантная бригада, 3-й Украинский фронт, 2-й Дальневосточный, награды: орден Отечественной войны II степени, юбилейные медали. Живет в поселке с 1956 года.

Савинов Сергей Васильевич - 1924 г.р., воевал: Спас-Деменском направлении Смоленской области, награды: медали "За отвагу", "За победу над Германией". Живет в поселке с 1950 года.

Иванов Михаил Васильевич - 1918 г.р., награды: 2 ордена Красной звезды, орден Отечественной войны I степени. Живет в поселке с 1951 года.

Харитонов Николай Иванович - 1925 г.р., воевал: Действующая Армия, 358 дивизия, Сталинградский фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1952 года.

Егоренко Павел Антонович - 1916 г.р., воевал: Курская дуга, награды: медаль "За отвагу". Живет в поселке с 1955 года.

Спиридонов Василий Артемьевич - 1924 г.р., воевал: Западный фронт, 4-й Украинский фронт, награды: орден Отечественной войны I степени, медаль "За отвагу". Живет с 1961 года.

Мастеренко Иван Никитович - 1926 г.р., воевал: 1-й Белорусский фронт, 1342 стрелковый полк, 11078 части, награды: орден Славы III степени, медаль "За отвагу", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", "За победу над Германией", орден Отечественной войны I степени. Живет в поселке с 1954 года.

Белоусов Павел Григорьевич - 1916 г.р., воевал: 3-й Белорусский фронт, награды: медали "За боевые заслуги", "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1952 года.

Кисляк Михаил Власович - 1921 г.р., воевал: 1-й Степной фронт, 3-й танковый полк, 37 механизированная бригада, партизанские Югославские армии, 7 бригада, награды: медаль "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1968 года.

Каспирович Александр Александрович - 1923 г.р., воевал: Дальневосточный фронт, награды: медаль "За отвагу", "За победу над Японией". Живет в поселке с 1956 года.

Нестеров Александр Игнатьевич - 1926 г.р., воевал: 72 стрелковая дивизия, награды: медаль "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1954 года.

Лейченко Павел Егорович - 1925 г.р., воевал: 3-й Украинский фронт, Венгрия, награды: медаль "За отвагу", орден Отечественной войны I степени. Живет в поселке с 1951 года.

Ендураев Иван Васильевич - 1917 г.р., воевал: 3-й Украинский, 17 воздушная армия, 174 батальон аэродромного обслуживания, награды: "За боевые заслуги", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1940 года.

Гречишник Алексей Дмитриевич - 1917 г.р., воевал: Карело-Финский фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За отвагу", "За победу над Германией". Живет в поселке с 1971 года.

Седелъцев Виталий Иванович - 1928 г.р., воевал: 1-й Прибалтийский фронт, награды: орден Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды, медаль "За боевые заслуги". Живет в поселке с 1950 года.

Шевкова Александра Асафовна - 1924 г.р., воевала: Волховский, Карело-Финский, Ленинградский, 1-й Украинский фронты, награды: медали "За оборону Ленинграда", "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1956 года.

Каранкевич Борис Петрович - 1916 г.р., воевал: Калининский, 2-й Украинский фронты, награды: орден Отечественной войны, медали "За победу над Германией", "За победу над Японией", "За освобождение Будапешта", 2 - "За боевые заслуги". Живет в поселке с 1959 года.

Граневский Николай Григорьевич - 1925 г.р., воевал: 2-й Украинский фронт, 8 механизированный корпус 68 механизированная бригада, награды: медаль "За отвагу", орден Отечественной войны I степени, 10 других медалей. Живет в поселке с 1961 года.

Белоглазов Александр Федорович - 1920 г.р., воевал: Западный фронт, г. Бердичев, Юго-западный фронт г. Полтава, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет с 1980 года.

Пронькин Геннадий Григорьевич - 1926 г.р., воевал: 2-й Белорусский фронт, награды: орден Отечественной войны и Красной Звезды, медаль "За боевые заслуги". Живет с 1950 года.

Денисов Юрий Михайлович - 1923 г.р., воевал: Прибалтийский фронт, 292 стрелковый полк, награды: орден Отечественной войны II степени. Живет в поселке с 1960 года.

Кайгородов Григорий Кондратьевич - 1921 г.р., воевал: 1-й Украинский фронт, награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны, 2 медали "За отвагу" и "За боевые заслуги". Живет в поселке с 1959 года.

Нечаев Алексей Николаевич - 1919 г.р., воевал: 2-й Украинский фронт, награды: медаль "За боевые заслуги" и орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1948 года.

Кондеев Василий Андреевич - 1920 г.р., воевал: 643 отдельный автобатальон, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1960 года.

Антонов Федор Петрович - 1920 г.р., воевал: 3-й Украинский фронт, награды: медаль "За боевые заслуги". Живет в поселке с 1956 года.

Миклин Иван Яковлевич - 1912 г.р., воевал: на Юго-западном фронте, г.Белая Церковь, Ростов - на - Дону, награды: орден Красной Звезды, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1967 года.

Данилюк Владимир Лукич - 1925 г.р., воевал: 3-й Украинский фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За отвагу". Живет в поселке с 1958 года.

Корзухин Анатолий Трофимович - 1923 г.р., воевал: Воронежский, Белорусский, Дальневосточный фронты, награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны, медали "За победу над Германией", "За победу над Японией". Живет в поселке с 1960 года.

Прокудин Андрей Иванович - 1922 г.р., воевал: Сталинград, Центральный фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1951 года.

Юдин Емельян Ефремович - 1920 г.р., воевал: 3-й Белорусский, Ленинградский фронты, награды: орден Красной Звезды, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1960 года.

Сараев Иван Иванович - 1926 г.р., воевал: Дальневосточный фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Японией". Живет в поселке с 1956 года.

Гавричков Михаил Яковлевич - 1925 г.р., воевал: 1-й Украинский фронт, 13 гвардейская дивизия, 983 полк стрелковой роты, награды: ордена Красного Знамени и "Славы" III степени, медаль "За отвагу". Живет в поселке с 1952 года.

Зуев Павел Ефимович - 1913 г.р., воевал: Брянский фронт, 237 стрелковая дивизия, награды: орден Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1956 года.

Кайгородов Андрей Игнатьевич - 1915 г.р., воевал: 442 стрелковый полк, 36 стрелковая рота, награды: орден Отечественной войны II степени. Живет в поселке с 1977 года.

Головин Николай Никандрович - 1920 г.р., воевал: Курская дуга 1-й Белорусский фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1950 года.

Киров Евгений Никитович - 1924 г.р., воевал: 2-й Прибалтийский фронт, 16 воздушная армия, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1953 года.

Шурыган Василий Алексеевич - 1913 г.р., воевал: 18 армия Сталинградский фронт, награды: орден Отечественной войны I степени, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1951 года.

Лямаев Александр Иванович - 1927 г.р., воевал: 194 истребительно-противотанковый артполк, 1-й Дальневосточный фронт, награды: орден Отечественной войны II степени, медали "За победу над Германией", "За победу над Японией". Живет в поселке с 1938 года.

Белых Яков Иванович - 1921 г.р., воевал: Сталинградский фронт, награды: орден Отечественной войны, медали "За отвагу", "За боевые заслуги", "За победу над Германией". Живет в поселке с 1952 года.

Стракович Илларион Евтухович - 1918 г.р., воевал: 6-й дорожно-эксплуатационный батальон, награды: орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1966 года.

Сидоров Алексей Петрович - 1935 г.р., воевал: Венгрия, 1956 год. Живет в поселке с 1964 года.

Стрельченко Николай Михайлович - 1918 г.р., воевал 927 отдельный саперный батальон, Ленинградский фронт, награды: медаль "За боевые заслуги", орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени. Живет в поселке с 1966 года.

Третьяков Петр Тимофеевич - 1914 г.р., воевал: Волынская, Ровенская область, Харьковская область и Сталинград, Кубань, Новгородская, Псковская, Латвия, награды: медаль "За оборону Сталинграда", "За отвагу", 2 ордена Отечественной войны. Живет в поселке с 1955 года.

Безрученко Константин Афанасьевич - 1911 г.р., воевал: Ленинградский фронт, награды: медаль "За боевые заслуги", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1973 года.

Карасев Сергей Алексеевич - 1927 г.р., воевал: Дальневосточный фронт, награды: медаль "За победу над Японией". Живет в поселке с 1951 года.

Денисова Тамара Антоновна - 1922 г.р., воевала: 1-й Прибалтийский фронт, 70 отделение батареи химзащиты /Курлянское направление/, награды: орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1960 года.

Ганькин Николай Павлович - 1917 г.р., воевал: 2-й Дальневосточный фронт, 388 артполк, награды: медаль "За отвагу", "За победу над Японией", орден Отечественной войны II степени. Живет в поселке с 1958 года.

Савенко Нина Ивановна - 1924 г.р., воевала: Белорусский фронт, награды: медаль "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1952 года.

Панов Григорий Николаевич - 1911 г.р., воевал: артполк под Москвой, награды: медаль "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1974 года.

Цыганков Михаил Петрович - 1924 г.р., воевал: 3-й Белорусский фронт, награды: орден Отечественной войны, медали "За отвагу", "За взятие Берлина", "За боевые заслуги". Живет в поселке с 1950 года.

Водопьянов Владимир Яковлевич - 1922 г.р., воевал: Ленинградский фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1953 года.

Кошкин Александр Степанович - 1910 г.р., воевал: Сталинград, награды: медаль Жукова. Живет в поселке с 1949 года.

Токарев Степан Павлович - 1924 г.р., воевал: 70 армия 2-й Белорусский фронт, награды: медали "За отвагу", "За освобождение Варшавы", "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1968 года.

Поцелуев Николай Иванович - 1920 г.р., воевал: 1-й Белорусский фронт, награды: медали "За отвагу", "За взятие Берлина", "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1973 года.

Жигульский Семен Петрович - 1915 г.р., воевал: 3-й белорусский фронт, награды: медали: "За отвагу", "За победу над Германией", орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1993 года.

Шаповалов Николай Григорьевич - 1925 г.р., воевал: Северо-Кавказский и 1-й Белорусский фронты, награды: орден Отечественной войны, медали "За отвагу", "За освобождение Варшавы", "За победу над Германией". Живет в поселке с 1974 года.

Мастяев Федор Павлович - 1918 г.р., воевал: Калининский фронт, военно-воздушная армия, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1972 года.

Миклин Алексей Яковлевич - 1924 г.р., воевал: 1-й Белорусский фронт, 405 отдельный гвардейский минометный дивизион, награды: 2 ордена Отечественной войны II степени,

орден Красной Звезды, медаль “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией”. Живет в поселке с 1984 года.

Нечаев Михаил Васильевич - 1926 г.р., воевал: 2-й Белорусский фронт, 181 стрелковый полк. Живет в поселке с 1938 года.

Ворошилов Федор Иванович - 1915 г.р., награды: медаль “За победу над Германией”, орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1995 года.

Полежаева Анна Павловна - 1923 г.р., воевала: 3-й белорусский фронт, награды: орден Отечественной войны, медали “За победу над Германией”, “За боевые заслуги”. Живет в поселке с 1958 года.

Мясников Федор Дмитриевич - 1927 г.р., воевал: Дальневосточный фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль “За освобождения Карелии”. Живет в поселке с 1959 года.

Голубь Алексей Арсентьевич - 1927 г.р., воевал: Дальний Восток, награда: медаль “За победу над Японией”, орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1952 года.

Устюжанин Михаил Иванович - 1922 г.р., воевал: Северо-Западный фронт, 4-й Украинский фронт, награды: орден Отечественной войны, медаль “За победу над Германией”. Живет в поселке с 1973 года.

Меленцов Иван Яковлевич - 1927 г.р., воевал: 1-й Дальневосточный фронт, 384 отдельный полк, награды: медаль “За победу над Японией”, орден Отечественной войны II степени. Живет в поселке с 1959 года.

Зорькин Михаил Алексеевич - 1921 г.р., воевал: Калининский, Центральный фронта, 16 отдельная танковая бригада, награды: ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медаль “За победу над Германией”. Живет в поселке с 1947 года.

Югов Николай Яковлевич - 1925 г.р., воевал: 92-я гвардейская армия, 1-й Украинский фронт, награды: орден

Отечественной войны, медаль “За победу над Германией”. Живет в поселке с 1952 года.

Пронкевич Владимир Стефанович - 1926 г.р., воевал: 1-й Белорусский фронт, 63 стрелковый полк, награды: медали “За отвагу”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией”, орден Отечественной войны II степени. Живет в поселке с 1958 года.

Созинова Вера Ивановна - 1923 г.р., воевала: 3-й Украинский фронт, 17 воздушная армия, 284 отдельная рота связи, 9 смешанный автокорпус, награды: медали “За боевые заслуги”, “За взятие Будапешта”, “За взятие Вены”, “За освобождение Белграда”, “За победу над Германией”, орден Отечественной войны II степени, знак “Отличный связист”. Живет в поселке с 1961 года.

Иванов Сергей Иванович - 1922 г.р., воевал: 38 отдельный батальон связи, награды: медаль “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За взятие Вены”, “За победу над Германией”. Живет в поселке с 1954 года.

Дрозд Николай Романович - 1926 г.р., воевал: 3-й Прибалтийский фронт, награды: медали “За победу над Германией”, “За боевые заслуги”. Живет в поселке с 1955 года.

Бобров Петр Иванович - 1925 г.р., воевал: 2-й Белорусский фронт, награды: медаль “За победу над Германией”, орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1937 года.

Сидельников Илья Федорович - 1925 г.р., воевал: 2-й Белорусский фронт, награды: орден Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медаль “За победу над Германией”. Живет в поселке с 1969 года.

Федосеев Михаил Степанович - 1927 г.р., воевал: Тихоокеанский флот, 1 бригада торпедных катеров, награды: медаль “За победу над Японией”. Живет в поселке с 1963 года.

Чудаков Николай Петрович - 1926 г.р., воевал: 3-й Белорусский фронт, в/ч 92044 ст.разведчик зенитной артиллерии, награды: орден Отечественной войны, медали “За взятие Кенигсберга”, “За победу над Германией”. Живет в поселке с 1961 года.

Клюев Михаил Андреевич - 1923 г.р., воевал: Курско-Орловская дуга, награды: орден Отечественной войны, медаль "За победу над Германией". Живет в поселке с 1956 года.

Чукаткин Александр Федорович - 1921 г.р., воевал: Украинский фронт, награды: орден Отечественной войны. Живет в поселке с 1958 года.

Александров Дмитрий Васильевич - 1923 г.р., воевал: 2-ой Белорусский фронт, награды: ордена Отечественной войны I и II ст., медаль "За отвагу". В поселке с 1961 года.

Ивашенко Евлокия Даниловна, фронтовая медсестра. Награды: орден Отечественной войны, боевые медали.

Величко Кирилл Матвеевич, сапер. Награды: медаль "За отвагу".

Андронов Иван Алексеевич. Ушел на фронт в 1941 г. добровольцем. Награды: орден Отечественной войны, медаль "За отвагу".

Колесников Петр Иванович.

Будкевич Владимир Алексеевич.

Солин Иван Алексеевич.

Савинов Афанасий Иванович.

Стохин Иван Петрович.

Миклин Иван Яковлевич.

Ендураев Григорий Иванович.

Гусельников Петр Васильевич.

Алексеев Алексей Алексеевич.

Октябрь 1996 г.

ЛИСТАЯ МУЗЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

В поселковом музее хранится небольшой альбом в сером коленкоровом переплете. В нем - десятки фотографий, любительских, выполненных вполне профессионально, пожелтевших от времени, и сделанных совсем недавно, сияющих глянецом.

Миг, запечатленный в кадре - частица прошлого, момент судьбы человеческой, выхваченный из бесконечного и необратимого потока с названием "Время".

В снимках разных лет - дыхание минувшего, живая история поселка и горняцкого производства и люди - творцы и вершители этой истории.

Откроем музейный альбом, полистаем его страницы. Первый снимок - "Пересменок. Начало 1948 года Зима.". Улыбающиеся горняки в ватниках и ушанках, закончив смену, отправляются домой на отдых. Сзади, на фоне выработки, - погрузочная машина "С - 153" и бортовой автомобиль "ЗИЛ-5". На переднем плане, слева - первый директор разреза "Краснобродский" Боровиков Владимир Трофимович.

А вот один из первых машинистов - Калдыров Аип, казах, производил погрузку угля в самосвал "ЗИС-5". За рулем - Кашлев Андрей.

На следующем снимке - начало июня 1948 года. На подножке самосвала, приоткрыв дверцу, стоит молодой водитель, а рядом, опершись на капот, - юная стройная девушка с точеной фигуркой. Я вглядываюсь в их счастливые и красивые лица и вдруг узнаю своих соседей - супругов Шульц Виктора Александровича и Фриду Васильевну. Такими молодыми я их никогда не видела и видеть не могла, поскольку не было меня еще и в помине. Подпись под снимком гласит, что один из первых водителей - Шульц Виктор на машине "ЗИС-5" работает на отсыпке ж/д полотна от станции Трудоармейская.

Вот новенький автокран "ЗИС-585", сверкающий краской, чистенький, и его водитель Галимбовский Михаил. Очень много на снимках техники, с помощью которой осваивалось

нелегкое горняцкое производство. Вот первые экскаваторы: "ОМ-201", "Марион", "Шкода"; автомобили серии "МАЗ-205", паровозы на вывозке породы. По мере роста производства совершенствовалась и техника. Появляются более современные ЭКГ-4у, ЭКГ-8и, ЭШ; бурстанки СВБ-2м, 2СБШ-200; на смену паровозу приходит тепловоз...

И все же более всего привлекают внимание те снимки, на которых изображены люди. С интересом вглядываюсь в их лица, рассматриваю одежду, отдельные детали - все, что имеет отношение к минувшему. Они такие разные, мои земляки, но есть общее, что их объединяет: осознание нужности горняцкого труда, вера в завтрашний день. Некоторых, изображенных на снимках, уже нет с нами, но они были, ходили по этой земле, созидали и навсегда остались в памяти нашей...

Вот интересный снимок, датированный 1955 годом. Два десятка людей, в основном, молодежь-старшеклассники из подшефной школы, взобрались на крышу экскаватора и позируют перед фотографом. Какой-то необъяснимой тайной времени веет от их открытых, приветливых лиц.

А на этом снимке - праздничная демонстрация трудящихся 1-го Мая 1960 года. Колонну возглавляет сидящий на орловском рысаке Калашников Михаил, заведующий конным двором. За ним следует группа всадников, а далее идут демонстранты с лозунгами.

О лошадях надо сказать особо. На них перевозили первые тонны угля, добытые на Краснобродском разрезе. Техники было мало, да и та могла подвести, прийти в неисправность, и бессловесные, безотказные лошадки-трудяги приходили горнякам на подмогу в трудную минуту. К слову сказать, краснобродский конный двор славился хорошими, крепкими, ухоженными лошадьми, среди которых были и породистые.

Вот подборка материалов городской газеты о буднях и праздниках краснобродцев.

Рассказывается о людях простых и хороших: монтажник Калиничев на строительстве больницы; штукатуры-маляры Кошкарев А.Г., Елясова В.С. и Гречишкина А.М. на покраске

фасадов домов; работницы стройки Кузнецова М.М. и Федотова В.Л. на отделочных работах в детском саду...

Но не только на строительстве отличались краснобродцы. Вот снимок с передовыми работницами ателье - мастерами Вишняковой А.Ф. и бригадиром Макаровой Л.М.. А вот воспитательница Романюк В.М. готовит ребят к праздничному утреннику.

Мелькают снимки: учительница Ковалева В.И. на занятиях с молодыми специалистами; передовой продавец Патырина Л.А. за прилавком; пропагандист Столяров А.Ф. на лекции в политкружке...

Немало снимков, посвященных отдыху и культурной жизни жителей поселка. Тут запечатлены и моменты футбольного матча, и народные гуляния на проводах русской зимы, и состязания команд на молодецких играх.

Вот выступление дуэта на сцене поселкового клуба "Горняк". Звучит "Песня о неизвестном солдате". Исполнители - экскаваторщик Михаил Тарасович Сыскин и помощник машиниста экскаватора Иван Григорьевич Гончаров.

Активный участник художественной самодеятельности, способный вокалист, энтузиаст, хороший производственник в прошлом, Иван Григорьевич и ныне в самой гуще общественной жизни. Сейчас он возглавляет Совет ветеранов поселка, занимается проблемами пожилых людей. Благодаря его деятельному участию увидела свет эта книга.

Многих талантливых людей взрастила земля краснобродская. Поэт и художник Александр Пархаев, композитор Федор Головин, художник Устюжанин и другие живут в нашем поселке.

В ДК "Россия" работает творческий коллектив, ведущий занятия в танцевальной и драматической студиях. Выступления юных краснобродцев неоднократно отмечались на городских смотрах, а танцоры несколько лет подряд занимали первые места.

И снова снимки, снимки, снимки...

Вот фотографии, запечатлевшие этапы биографии поселка: асфальтирование дорог по улице Новой, строительство музыкальной школы, ДК, детского комбината...

И снова на снимках люди, различные мгновения их судеб, выхваченные фотографом у времени.

Вот счастливая, улыбающаяся пара - молодожены Александр Суворов и Валентина Тищенко. Их брак, зарегистрированный поселковым ЗАГСом, был пятидесятым по счету. Пятьдесят новых семей...

- А вот супруги Базины, Михаил Никифорович и Акулина Степановна, празднующие полувековой юбилей супружеской жизни - золотую свадьбу.

На снимках, рассказывающих о школьной жизни, много детей. Некоторые из них, мои ровесники, давно выросли, обзавелись семьями. Кто-то уехал из поселка, обосновался вдали от родного дома.

Невозможно объять необъятное. То, о чем здесь написано - лишь малая часть большой, наполненной событиями, истории горняцкого поселка.

Я закрываю музейный альбом. Он не закончен. Нам, краснобродцам, еще предстоит дописывать и заполнять его страницы.

В создании поселкового музея горняцкой славы принимали участие:

Анохин А.Н., Валеев Н.Р.,

Шумков В.Г., Лузянина Т.М

Прокопов Б.А., Ташкеев И.М

Гончаров И.Г., Захаров В.И.,

а также все краснобродцы - создатели славной истории разреза и поселка.

ЖИВЕМ, НАДЕЯСЬ

Как-то в один из воскресных зимних дней я решила покататься на лыжах и подышать чистым деревенским воздухом. Предполагала доехать до деревни автобусом, пробежаться на лыжах по окрестностям и вернуться домой вечером. Но дневные рейсы почему-то были отменены, и, чтобы не нарушать планы, решила покататься на близлежащих Трудоармейских горах.

Мой маршрут проходил от автобусной остановки в юго-западном направлении к автобазе, к мичуринским садам и дальше, в горы.

Я шла мимо аккуратного небольшого здания церкви, мимо строящегося храма Ильи Пророка. Уже возведен один из куполов, и в ясные дни он сияет на солнце. Когда я люблюсь этим куполом из окна в доме моей матери, то припоминаю такую любопытную деталь. Раньше, в начале шестидесятых, на том месте, где сейчас возводится храм, устанавливали новогоднюю елку. Вечерами я подходила к окну и, стоя на цыпочках, долго и заворуженно смотрела на разноцветные огни.

Чуть позже на этом месте поставили обелиск краснобродцам, павшим в Великую Отечественную войну. Из окна хорошо просматривалась его верхняя часть с пятиконечной звездой. А сейчас взор привлекает церковный, серебристый купол. Вот такой срез во времени, взгляд сквозь десятилетия: елка - обелиск - храм.

Осталась позади шумная, многолюдная, увешанная разноцветным товаром базарная площадь. Там все, как положено: торговые ряды с навесами, кругом асфальт. И все же прилавков маловато, и пристраиваются коробейники свой товар где кто может: на капотах машин, на земле, на заборе и даже на деревьях рядом с рынком.

Главная площадь поселка - площадь Победы. Здесь высится величественный монумент с барельефом, где застыли в веч-

ном молчании фигуры воина и скорбящей матери. Между зелеными стройными елями и пушистыми соснами сиротливо прячутся голые лиственницы, сбросившие на зиму хвою.

Здесь во время митингов в праздники Победы особенно торжественно звучал “Реквием” Рождественского, талантливо исполняемый одним из наших земляков, и на лицах присутствующих выступали слезы.

А 20 лет назад на этом самом месте стоял многоколонный красавец, гордость поселка – ДК “Горняк”. В нем было все, что приличествует иметь солидному зданию: и паркет, и росписи на потолках, и мраморные ступени... Но со временем фундамент просел, по зданию пошли трещины. Ничем нельзя уже было помочь этой громадине. Раздался взрыв, содрогнулись стены – и рухнул красавец “Горняк”. Взрывом были потрясены сердца краснобродцев. Столько доброго было связано в их памяти со старым клубом. Его стены помнили и приезды знаменитостей, и веселые праздники, и танцы, и интересные гастролы – всего не перечислить.

Прохожу мимо поселкового стадиона, где рядом, на большой, ровной площадке уже несколько лет подряд строятся снежные городки. В прошедшие годы радовали глаз застывшие в холодном великолепии фигуры из снега. Дед Мороз, Снегурочка, звери, сказочные персонажи... Особенно удачными и выразительными получались снежные скульптуры, вылепленные местной художницей Катериной. А гирлянды на поселковой елке и вокруг городка так затейливо перемигивались цветными огоньками, образуя сложный узор.

Какая у вас в поселке елка! – восхищенно говорила приехавшая из города на каникулы племянница, проходя по снежному городку. А нынче погода подкачала: снег выпал только после Рождества. Не было ни горок, ни снежных фигур, только елка одиноко сгибалась под порывами ветра на голом бесснежном поле...

В конце стадиона мое внимание привлек лабиринт из снега, построенный ребятами. Так захотелось пройти по замыс-

РИСУЮЩИЙ СЛОВОМ

Об истоках творчества краснобродского поэта и художника Александра Пархаева/

— Мам, а Шурка опять все стены перемазал, - наперебой сообщали ребятишки усталой женщине, показавшейся на пороге дома, последние новости.

На недавно выбеленных стенах пестрели начерченные угольками художества: бегали и прыгали веселые человечки, скакали длиннохвостые лошадки, брели по неведомым тропам диковинные зверушки.

- О, господи! Да что с тобой делать? - жаловалась мать, высматривая сына, спрятавшегося где-то за печкой. - И когда все это кончится?

Она журила сына, и вздыхала, жалея его: не было в доме ни карандашей, ни бумаги. Шурку наказывали, стены отмывали, забеливали, и на какое-то время в комнатах воцарялась скучная чистота. Но через несколько дней, проходя мимо печки, мальчик вдруг останавливался и смотрел на угасающие искорки. Он брал в руки еще теплый древесный уголек, глядел на заманчиво белевшую стену и успокаивал себя: "Ладно, рисую чуть-чуть, внизу, незаметно, в уголочке". Но, увлекшись, забывался, и все повторялось снова: вздохи матери, наказание, побелка. И звучало в который раз: "Когда же это все кончится?"

А кончилось все это тогда, когда Саша Пархаев пошел в школу, где его способности к рисованию оказались как нельзя кстати. Выпуск стенгазет, изготовление наглядных пособий, схем, диаграмм, работы, выполненные карандашом и тушью, изображающие литературных героев, писателей, полководцев - все оказалось под силу талантливому мальчику, который и не догадывался, что где-то внутри, в подсознании, зреет и набирает силу другой его дар - поэтический.

Как-то в выпускном классе учительница задала на дом сочинение о жизни Пушкина. Саша начал описывать последние дни великого поэта, и - удивительное дело - слова стали сами складываться в рифмы, и словно само появилось стихотворение "Дуэль Пушкина".

Отсюда, со школьной скамьи, с бревенчатого родительского дома, с босоногого довоенного детства, прошедшего среди удивительных мест в небольшой деревушке Конево, начинаются истоки творчества краснобродского поэта и художника Александра Пархаева.

Первое стихотворение, написанное в школьной тетради для сочинений, не сохранилось. Это было рядовое домашнее задание, хотя и выполнено так необычно.

Поиск рифм, особый творческий настрой становятся привычным состоянием. И на службе в армии молодой солдат продолжает писать стихи. Пишет обо всем: о воинском долге, о доме, о любви, о том, что происходит вокруг. Несколько стихотворений Александр Пархаев отправил в Хабаровск, в армейскую газету "На страже Родины".

Стихи напечатали, военкоры поддержали, вдохновили. Так впервые заявил о себе молодой сибирский парень Александр Пархаев.

- Да что там особенного, - говорит Александр Федорович об армейском периоде творчества. - Стихи не стихи: событийность, детали, а настоящих образов нет.

После демобилизации Александр вернулся в родную деревню, осмотрелся и подался на железную дорогу приобретать профессию. Работал кочегаром на паровозе, помогал водить составы по алтайской и кузбасской земле. Мелькали станции, поля, перелески, сходились и расходились стальные рельсы, и под стук колес рождались новые строки. Стихи Пархаева печатала и районная газета, и краевая "Алтайская правда".

Самый насыщенный период его творчества - это 60-е и 70-е годы. В 1964 году Александр, уже будучи женатым, вместе с семьей переехал в Краснобродский, устроился помощником

машиниста паровоза на разрез “Новосергеевский”, а впоследствии стал работать машинистом тепловоза в Краснобродском ПТУ, где и остался до самой пенсии.

Так вот, в те годы Александр Пархаев написал более двухсот стихотворений и очень много рисовал пером и тушью. Сотрудничество с городской газетой “Знамя коммунизма”, знакомство с беловскими поэтами Леонидом Торгаевым и Николаем Пискаевым, участие в работе литобъединения при редакции дали новый толчок поэтическому вдохновению. Стихи стали более выразительными, образными.

Хотелось бы немного порассуждать об особенностях его дарования. Знакомясь ближе с творчеством нашего земляка, я уяснила одну существенную деталь. Это художник, рисующий словом. Форма и содержание - единство двух противоположностей любого художественного произведения, в том числе и поэтического. Поэт Пархаев, создавая стихи, идет от формы к содержанию, то есть работает над словом, рифмой, подбором деталей, что при определенных условиях рождает образность. В нем живет художник изначально, и поэт организует рисунок сюжета, компоует детали, работает над колоритом языкового стихотворного пространства. “Синтез двух дарований - художника и поэта,” - так сказано о Пархаеве в предисловии к первой книге его стихов “Последние журавли”. Сказано довольно точно. Именно в синтезе двух талантов заключена неповторимость творчества нашего земляка, его самобытность: нет поэта Пархаева без рисунков, картин, нет художника Пархаева без его поэзии. В книге “Последние журавли” каждое стихотворение поэта сопровождается его собственным рисунком.

Художника-поэта Александра Пархаева надо и читать, и видеть, поэтому я сознательно не привожу цитат из его стихов. Только у художника один и тот же пейзаж в зависимости от настроения может родить множество этюдов, вариаций...

И как бы подтверждая мои размышления о художнике, пишущем словом, супруга поэта Людмила Афанасьевна восклицает:

- Да у него одних посвящений березе более ста!

Александр Федорович показывает мне одну из последних работ - живописный этюд "Ранняя весна". Отроги Салаирского кряжа, синее небо, над голыми березами величаво возвышаются темные ели. Можно, конечно, поспорить о цветовом решении, но в композиционном отношении пейзаж очень удачный. Есть центральный план, уравновешены второстепенные детали.

Сейчас Александр Федорович Пархаев в расцвете своего таланта. Работает над изданием второй книги стихов, иллюстрирует творения своих собратьев по перу.

Хочется отметить рост мастерства Пархаева-графика. Если в прежних рисунках чувствовалось стремление к сухой, скрупулезной точности, то в последних работах появилось собирательное, типичное и в то же время очень конкретное.

Вот рисунок к стихотворению "Дядя Вася" Леонида Торгаева. Это уже образ, определенный тип современника; в нем угадывается простой сибирский деревенский мужик, каких много. Здесь есть нечто очень характерное, запоминающееся, сугубо пархаевское.

О талантливых людях, их творчестве должны знать окружающие. Ведь внимание со стороны читателей - своего рода эмоциональная подпитка, стимулирующая рост художника. Талант как особый дар природы, как и всякое проявление земной красоты надо любить и беречь.

ОКРЫЛЕННЫЙ ГАРМОНИЕЙ ЗВУКА

Песня лилась широко и привольно, русская веселая песня про зиму-метелицу, и каждый поющий вносил свою лепту в слаженное хоровое многоголосие.

Сменилась музыка - и торжественно, величаво зазвучали голоса, повествуя о священной скорби по павшим воинам. Баянист, извлекая из инструмента новые и новые аккорды, был подхвачен общим вдохновением и являлся творцом, созидателем этого захватывающего гармоничного музыкального действия. А звуки уносились вверх, под своды зала, растворялись в воздухе, вызывая отклик в сердцах благодарных зрителей.

- Всегда удивлялся. - рассказывает Федор Кузьмич, руководить хора русской песни ДК поселка, он же баянист, - на репетициях, как ни стараемся, что-нибудь, да не доработаем. А как выступать поедом, на сцене - все прекрасно, как говорится, без сучка без задоринки. Вот уже дважды выступали в Кемерове, на фестивале хора ветеранов труда. И очень даже неплохо выступили, а ведь как волновался каждый раз.

Музыка, хору отдана вся жизнь этого человека. Уроженец г. Анжеро-Судженска, он восемнадцатилетним пареньком поступил в Томское музыкальное училище на вокальное отделение. После армии учеба была продолжена, и наконец Федор Головин - солист симфонического оркестра Томской филармонии. Молоденькому певцу, обладателю бархатистого баритона, было подвластно все: романсы, классика, арии... Он много работает над дыханием, над голосом, но еще больше времени уделяет своему любимому инструменту - баяну. Любовь к баяну побеждает, и вокалист становится руководителем хорового коллектива.

Насколько этот человек талантлив, говорит такой факт. В середине 60-х Федор Головин оказался с семьей в городе Рязске, что под Рязанью. Там он обосновался, построил дом. Был руководителем местного молодежного ансамбля песни и

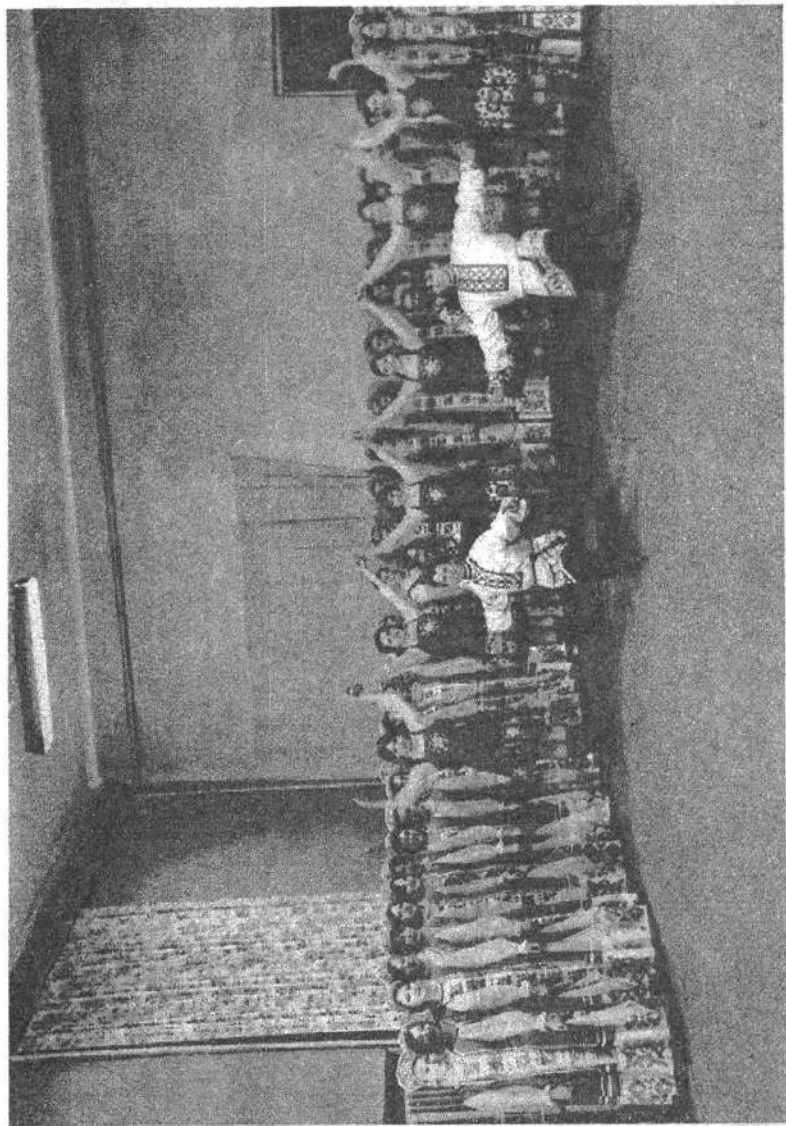
Поёт Тамара Бауфал (Кострова).

Композитор Головин Федор Кузьмич.

Поэт Пархаев Александр Федорович.

Народный хор поселка Краснобродский. Клуб "Горняк". 1970 г.

Глобт И. Г. Гончаров, аккомпанирует Ф. К. Головин.

Народный хор поселка Краснодарский. Клуб "Горняк". 1970 год.

пляски, созданного на базе дорожного техникума. Так вот, Рязскому ансамблю первому из коллективов области было присвоено высокое звание народного ансамбля песни и пляски.

- Хор был, - вспоминает Федор Кузьмич, - 30 девчат и восемнадцать парней. Все больше студенты, голоса звонкие, легкие. Бас был замечательный, в церковном хоре пел и у нас. Вдвоем с баритоном неплохо, так, получалось. Ну и танцоры - 14 пар. Куда нас только не приглашали, постоянно слеты, совещания - и мы туда. Репетиции допоздна да поездки...

После того, когда в семидесятых семья Головиных переехала в Кузбасс, Рязский ансамбль распался.

Здесь, на сибирской земле, будучи руководителем хоровых коллективов в поселке Инском, а затем в Красном Броде, Федор Головин начинает писать музыку.

В природе все имеет собственную мелодию: и дождь, льющийся с вышины, и шумящая спелыми колосьями нива, и звенящая ледяными сосульками морозная стужа. Даже тишина имеет собственное звучание.

Душа композитора - особый дар. Человеку, творящему мелодию, дано самое сокровенное: тонко чувствовать различные состояния души человеческой и переносить все это на язык нотной грамоты.

- Музыку не сочиняют, а изобретают, - говорит Федор Кузьмич. - Мелодия приходит внезапно, неожиданно, и тогда начинаю развивать ее, изменяю, совершенствую, отбрасываю лишнее, ищу соответствия между отдельными частями песни, между куплетом и запевом, чтобы была верно выдержана тональность, чтобы пришла гармония...

Он живет и творит, окрыленный гармонией звука. Ему знакомы и вдохновение, чувство полета, вызванного радостью от удачно найденного созвучия, и упорный труд, труд в поисках красоты звука. Рождаются песни на самые разные темы: "Шинель", "Воспоминание ветерана войны", "Песня

о женщинах”, “Наши сани”, “Беловское море”, “Сердце матери”, “Ты живи, Россия, здравствуй” и многие другие.

В последнее время Федором Головиным на стихи местного поэта Александра Пархаева было написано 3 песни: “Нет у любви предела”, “Кони быстрые” - для хора и “У скорбных плит” - для сольного исполнения.

Особое тяготение испытывает композитор к военной тематике. С теплом отзывается он о песне “Шинель”:

- Был такой художник в ГРЭСе - Князьков Василий Матвеевич, стихи писал. Я как прочитал его “Шинель”, поразился, как здорово написано. Не встречал я до этого такого страстного посвящения солдатской шинели. И музыка сама собой пришла. Да что говорить, вот послушайте.

Федор Кузьмич берет в руки баян и начинает петь:

Шинель моя суконная,

Военная, законная,

Солдатская подруженька моя...

Он поет и весь словно оживает, преображается. Большие, внимательные глаза излучают вдохновение. Что-то мудрое, печальное, оруджавское звучит в голосе исполнителя. Закончена песня - и звучит другая, “У скорбных плит”, одна из наиболее удавшихся, по собственному признанию Федора Кузьмича.

Затем звучит веселая мелодия - “Кони быстрые”. Я слышу звон колокольчиков под дугой, и вдруг в памяти всплывает народное поверье о человеке, нашедшем волшебную свирель. Она такая невзрачная, неприметная, эта свирель, и не каждому дано заметить, увидеть ее. Но стоит человеку хоть однажды в жизни подержать в руках свирель, то становится он обладателем чудного голоса и властелином царства звуков.

А еще я подумала, что этот человек по-своему очень счастлив. Работая руководителем хора, он имеет возможность

реализовать и оценить результаты своего композиторского творчества тут же, разучив с коллективом свою новую песню.

О хоре, об исполнителях Федор Кузьмич может рассказывать бесконечно:

- Жаль, маловато нас сейчас осталось: кто переехал, кто замуж вышел... Вот, баритон был, Грушников Василий, уехал из поселка. Но остались самые-самые - 17 человек, преданных музыке, общему делу. Состав самый разнообразный: 2 мед-сестры, пенсионеры, мастер сортировки...

- Им только скажи, они и ночью придут на репетицию, - поддерживает разговор супруга Федора Кузьмича.

Есть у Федора Головина большая мечта: создать при ДК ансамбль песни и танца. В семидесятых годах был в поселке подобный ансамбль, созданный им в совместном содружестве с Виктором Шороховым. Мечтает Федор Кузьмич возродить это доброе начинание. Есть желание, есть талантливые люди - значит, должно получиться.

Но... служение муз не терпит суеты. И он не спешит, он просто живет и творит, талантливый, увлеченный человек, крыленный гармонией звука.

Еще далеко не исчерпаны творческие возможности краснобродского композитора Федора Головина, и множество хороших задумок впереди, и самую лучшую песню свою он еще напишет.

ПЕСНЯ С НАЗВАНИЕМ “ЖИЗНЬ”

Бывают лица, которые запоминаются сразу и надолго.

Я увидела ее в школьном вестибюле год назад и первое, что пришло на ум: “Надо же, она нисколько не изменилась! Она совсем такая же, как 20 лет назад. Те же черные глаза, прическа, улыбка”...

А двадцать лет назад, мы, еще совсем юные и такие счастливые, теплыми летними вечерами спешили на стадион, на поселковую танцплощадку, откуда доносилась громкая музыка. Там уже вовсю веселилась танцующая молодежь, и небольшая, черноволосая, черноглазая, с короткой стрижкой, юная женщина под аккомпанемент местного оркестра исполняла популярные песни из пугачевского репертуара.

Певица стояла у микрофона на летней эстраде и пела... Нет, не громким, модным, кричащим голосом, который бывает у эстрадных певиц, а голосом мягким, нежным, проникновенным, задушевым.

Становилось как-то по-домашнему уютно в толпе мало-знакомых людей от такого теплого, легкого, нежного исполнения. “А она похожа на актрису Татьяну Самойлову, особенно глазами”, - отметила тогда я про себя.

А позже я не раз видела ее за прилавком промтоварного магазине, в царстве душистого парфюмерного разнообразия, где певица превращалась в обаятельную продавщицу, с неизменной улыбкой обслуживающей покупателей.

И вот два десятилетия спустя я увидела ее в школе, куда Тамара Михайловна Кострова устроилась завхозом.

- А помните, наша Тамара Михайловна в молодости очень хорошо пела?, - спросила я как-то в учительской.

- Да, как же, помним, - подхватили разговор коллеги, - Это же наша звезда, звезда поселковой эстрады 70-х...

- И помнится, голос у нее такой мягкий и грудной, как у Анны Герман, - сказала одна из коллег.

Как-то в альбоме из поселкового музея я увидела одну фотографию. На ней изображен один из моментов Новогоднего карнавала в поселковом спортзале и юная женщина в коротком блестящем платье перед микрофоном на фоне оркестра. И подпись: "Тысяча девятьсот семьдесят восьмой год. Поет Тамара Бауфал. Песня "Жизнь"".

Юная женщина пела и верила, что жизнь, которая ожидает ее впереди, обязательно должна быть счастливой, словно песня с красивой мелодией.

Никто не думал и не мог знать, что жизнь готовит этой женщине жестокие испытания.

Был дом, муж, семья, подрастали и выросли дети - было счастье. Вот уже и Оксана, старшая, вышла замуж и уехала в Германию.

И вдруг - первый удар: внезапно обрывается жизнь юноши - сына, попавшего под напряжение. Обрывается глупо, нелепо, как нелепы все внезапные смерти: помогал другу-старшекласснику устанавливать антенну, но не удержали вдвоем металлическую опору, и упала она на линию электропередачи. Друг выжил, а сына, Андрея, не стало.

А потом в ее осиротевшей семье появилась девочка Маша. Эта девочка - дочь подруги юности Тамары - внезапно осталась без родителей.

Не выдержало, сжалось от жалости Тамарино сердце, когда Маша, худенькая, простуженная, в легком платьице, выскочила навстречу ей и мужу, приехавшим в детский дом проведать девочку, и произнесла сквозь всхлипывания:

- Заберите меня ... Возьми меня к себе, мама!

Так и забрали, в чем была одета. И стала Маша жить в семье Костровых. И трудности были, и проблемы разные, но все ж веселей втроем.

Стремительно набирала обороты беспощадное время, внося жестокие реалии в хрупкую человеческую судьбу. Год назад, в один из погожих октябрьских дней, вдруг скоростижно

скончался муж Тамары. И не болел вроде, особо не жаловался...

И горестные складки легли в уголках губ этой миловидной и прежде жизнерадостной женщины, и печаль застыла в ее темно-карих глазах.

И не успела Тамара опомниться, прийти в себя после этих страшных потерь, как судьба начала готовить ей новые и новые испытания.

Поехала Тамара в санаторий здоровье поправить, а домовничать, за Машей присмотреть осталась ее свекровь, Александра Григорьевна. Вечером, переделав все по дому, прилегла старая женщина на диван отдохнуть. “Сынок Витенька здесь любил отдыхать”, - вдруг вспомнилось ей. Александра Григорьевна долго думала о сыне, о внуке, и непроходящая боль утраты сжимала ей сердце. Засыпая, она увидела внука, но не подростка, каким он был перед гибелью, а совсем еще маленького. Андрей, Андрейка, или Дека, как называл себя малыш, звал бабушку на помощь

- Баба, сними меня отсюда, - просил забравшийся куда-то навверх Дека и протягивал ручонки.

- Иди, иди, помоги, - говорил матери Виктор, копавшийся в каком-то погребе и неимеющий возможности помочь своему маленькому сынишке.

И заторопилась бабушка, успеть бы, не опоздать бы, помочь бы внучку, чтобы тот, не дай бог, не упал и не расшибся.

Александра Григорьевна легла передохнуть, заснула и уже больше не проснулась. Она умерла во сне, уйдя вслед за внуком и сыном.

И не выдержала Тамара, заболела, и долго болела. Врачи уж думали на самое страшное, но бог миловал, не подтвердился диагноз. Встала на ноги после болезни, выздоровела, и дочь из Германии вернулась, чтобы быть рядом с матерью. Вот так и живут втроем: Тамара, Маша, приемная дочь, и Оксана, дочь родная.

Еще не вечер, еще согрето полуденными лучами благодатное время цветущей женской поры. Хочется верить, что счастье еще покажется на пороге Тамариного дома.

А на фото двадцатилетней давности юная женщина в коротком блестящем платье тепло и проникновенно выводит слова из популярной песни:

Жизнь... Она бывает очень разной, наша жизнь,

Бывает пасмурной и ясной, наша жизнь,

Но все равно она прекрасна, наша жизнь.

Стремительно набирает темп время, на крутых виражах завершая столетие. И неумолим закон судеб людских, где на смену печали обязательно приходит радость.

...Смолкли последние аккорды, спеты последние строчки песни с названием "Жизнь". Осталась позади молодость, но не завершилась история отдельной женской судьбы. Жизнь продолжается.

ДЯДЯ ГОША

Дядя Гоша - наш сосед. Его знают почти все краснобродцы, и не только потому, что живет он в поселке с самого его основания...

- Луи де Фюнес, - вдруг авторитетно заключает знакомый коллега-художник, окидывая взглядом невысокую фигуру дяди Гоши. И точно: начищенные до зеркального блеска ботинки, модная кепка, густые брови, слегка выдвинутый вперед подбородок, зоркий взор, быстрые движения. Ну, ни дать ни взять - вылитый комиссар Жюв.

А дядя Гоша, увидев знакомых, энергично кивает, строго смотрит на них и совсем не догадывается, что мгновение назад его сравнили с одним из величайших актеров столетия.

Примечателен дядя Гоша не только своей внешностью. Трудно сыскать второго такого деятельного, хозяйственного человека. Наш сосед постоянно что-то придумывал, мастерил, десятки самых смелых проектов вертелись в его голове.

Плоды кипучей хозяйственной деятельности находили отражение, главным образом, в быту. Еще в молодости проснулся в нем талант художника, и все, что находилось в доме, носило следы его творческой фантазии.

И забор, и наличники, и навес над крыльцом были расписаны яркими масляными красками. Узоры орнамента светились и переливались на солнце, потому, что в них были вмонтированы маленькие зеркала-ромбики.

Но главным достижением, вершиной художественного творчества дяди Гоши была картина, висящая напротив входа в сених. То был роскошный натюрморт. Поверх охотничьих трофеев, распластав серые крылья и безвольно опустив голову, лежала смертельно раненная птица. Яркие, краснорубиновые капли стекали по оперению, а над поникшей головой сияло немислимо синее, с лазурными переливами небо. Дух захватывало от такого смелого сочетания красок.

- Да это я так, по молодости, - гордо глядя на картину говорил дядя Гоша, явно довольный своим шедевром.

Заглянешь, бывало, к нему в огород - там все, как у заправского хозяина: и водопровод, и теплица, и баня, и погреб. В доме - идеальная чистота: свежевывмытый крашенный пол блестит, как пасхальное яйцо. Любил дядя Гоша порядок - тут уж ничего не скажешь.

Разговаривает он быстро, речь богата интонациями. Если дела у соседа спорятся и настроение хорошее, то частенько вставляет он по ходу разговора любимое "трынди-брынди", а если что-то неладно, то с сожалением вздыхает: "Эх, екэрли-бабай!"

А дела, большие и малые, всегда крутились вокруг дяди Гоши. И где бы ни находился наш сосед, происходило что-нибудь из ряда вон выходящее.

Как-то в обеденный перерыв собрались мужики и поспорили /дядя Гоша тогда работал на гидроучастке разреза/:

- Кто съест карася живого? За бутылку!

Наш сосед и тут как тут. Выловили карася. Дядя Гоша тут же в один присест отправил трепещущую рыбину в рот, проглотил и не поморщился.

В следующий раз, явно подзадоривая, кто-то как бы в шутку бросил:

- Чего уж там, карасишку какого-то заглотил и хвалишься, вот если бы живого воробья - это да!

- А приз какой? - вдруг оживился дядя Гоша.

- Пол-ящика водки с получки, ей - богу, не пожалею!

И этот спор дядя Гоша выиграл с блеском. Правда, воробья до сих пор жалеет. Подробности этого спора стали уже легендой.

Не умел наш сосед жить скучно и делал все, чтобы взбудоражить, оживить спокойное течение будней. И выпить умел дядя Гоша, но удивительное дело, еще быстрее спорилась у него работа от крепкой рюмки.

Иногда все-таки, наш сосед останавливался, делал небольшие передышки и в минуты доброго расположения духа заглядывал к нам в мастерскую /я тогда работала художником на разрезе/. Бросив вместо приветствия “трынди-брынди”, дядя Гоша устраивался поудобней и пускался в воспоминания.

Рассказывал, как после войны работал директором ресторана в Киселевске. Но не долго: не по нутру ему было такое дело. Или о том, как их, ветеранов войны, пригласили на один из юбилеев Победы в город. В солнечный теплый день выставили столы прямо на площади, а какую закуску поставили, а как поздравляли, и даже денег дали, но вроде премии. А потом такое веселье было!

- Нет, не умеют, екэрли-бабай, сейчас устраивать таких праздников, - вздыхал дядя Гоша.

Но самое лучшее его воспоминание было о том, как он, молодой, поехал в соседнюю Трудоармейку и сосватал себе в жены чернокосую красавицу Катерину.

- А косы-то, косы у моей невесты какие были! - увлеченно рассказывал дядя Гоша. - И вокруг головы, словно корона. Ах, загляденье!

И действительно, супруга нашего соседа была статной, крепкой, темноглазой красавицей, да и ростом казалась выше мужа. Нам всем было интересно, как же сумел бывший фронтовик взять в полон сердце своей избранницы.

Был у меня целый мешок ниток мулине, - продолжал дядя Гоша. - А цвета какие! Сейчас не сыскать таких ниток. Предложил я Катерине руку и сердце и вытряхнул перед ней мешок с разноцветным богатством. Увидела невеста рассыпанное перед ней мулине - и растаяло сердце чернокосой красавицы.

Очень любила вышивать Катерина. Я видела в их доме искусно вышитые ею салфетки с фиалками, розами, ирисами самых разных нежнейших оттенков.

Катерина оказалась не только рукодельницей, но и хорошей хозяйкой. Это ее заслуга в том, что их дом был таким уютным и сверкал чистотой.

Подарила супруга дяде Гоше троих сыновей, ладных, красивых, лицом - в мать, практичностью, трудолюбием, сметкой - в отца. А наш сосед с утроенной энергией продолжал совершенствовать жизнь.

Вот он с кучей бумаг торопится в техотдел.

- Над рацпредложением все кумекаю, - быстро объясняет дядя Гоша и что-то говорит про насосы, пульпу, давление, гидроустановку.

- Ну что, внедрили вашу идею? - спросила я его немного погодя.

- Да нет пока, тут еще расчет нужен и КПД уточнить, - говорил дядя Гоша.

А однажды он, веселый, забежал к нам.

- Трынди-брынди! Записывайтесь на поросят... пуховых! - с ходу выпалил сосед.

Мы переглянулись, а он продолжал:

- Холодов не боятся, жиреют на глазах. Ух какие! - изображал дядя Гоша.

Порассудив о достижениях селекции, мы в конце концов записались. С подшефного колхоза - все-таки не по базарной цене. На деле же "пуховые" поросята оказались довольно худосочными, да к тому же без всякого намека на пышную растительность.

А дядя Гоша уже крутился в гуще других дел, и ему не до наших проблем было. Случай про "пуховых" поросят, спор про воробья и многое другое сделало нашего соседа чуть ли не народным героем.

Выросли дяди-Гошины сыновья. Двое из них и сейчас живут в нашем поселке. Уважаемые люди, на хороших должностях, имеют прекрасные семьи. Снохи у дяди Гоши красивые, образованные, хорошо шьют, умницы-рукодельницы,

растят детей. Вон как внучка у дяди Гоши подросла, играет на школьной сцене шекспировскую Офелию.

Быстро, весело летело время в дяди-Гошиной жизни, но случилась беда. Красавица Катерина, наша добрая соседка, спокойная, крепкая женщина, вдруг неожиданно слегла и скончалась в одночасье. Стоял погожий летний день, собрались на скамейке и вполголоса переговаривались соседи, пораженные внезапной горькой вестью. Казалось, притихла скорбящая природа. И каким печальным было в тот вечер красное закатное солнце. Ушла Катерина незаметно и тихо, выполнив свой материнский долг, вырастив и поставив на ноги трех своих сыновей.

После смерти супруги, то ли время изменило свой ход, потеряв нужное направление, то ли еще что-то, но начал дядя Гоша стареть и болеть. Встретится на улице и жалуется на здоровье, вытянув вперед руки и показывая распухшие негнувшиеся пальцы.

Разменял он прежний уютный дом на казенную квартиру: что делать в пустых комнатах, да и за огородом уход нужен. И сам сосед наш меняется, даже рюмка-другая не добавляет прежней веселости.

Не так давно нашлась ему добрая старушка, и живет теперь дядя Гоша другой жизнью, другой семьей.

Я все реже встречаю его в поселке, но думаю, что он еще подюжит, наш бывший сосед, старый вояка, человек, так похожий на знаменитого Луи де Фюнеса. С годами, правда, сходство поубавилось: нет уж той живости, быстроты, легкости движений.

А время идет, и все чаще и чаще ему видятся в снах и просто вспоминаются сюжеты написанных и ненаписанных картин, десятки замыслов и проектов, улучшающих мир, фронтовые друзья-товарищи, праздники Победы.

Но самое отрадное и светлое воспоминание для дяди Гоши - чернокосая красавица Катерина, наполнившая жизнь этого

маленького человека таким простым и высоким человеческим смыслом.

P.S. Я прочитала эти строки своему герою. Дело в том, что по этическим соображениям в рассказе изменены имена.

Прослезился наш бывший сосед:

- Это же про меня, и как точно, точно... хорошо...

Он, наверное, многое хотел еще сказать, но не мог от нахлынувших чувств, только добавил:

- Что я, я теперь вроде как списанный... Пусть, пусть пропечатают и люди добрым словом помянут супругу мою...

декабрь 1995 г.

НАЧАЛЬНИК

Так уж устроен мир, что в нем находится место и печальному, и веселому.

Жил был начальник.

- Ну, богомазы, работу принимай! - распахивая дверь в мастерскую и гремя металлом, громко говорил дед Василий, прозванный на разрезе Шукарем. Богомазы - это мы, т.е. я и моя помощница Танечка, вчерашняя школьница, работавшие на разрезе художниками-оформителями.

Василий-Шукарь расставил вдоль стены около десятка дорожных знаков и присел перевести дух.

Следом в мастерскую вошел начальник. Это был высокий, видный человек, украинец, нечто породистое, властное скрывалось в его представительной фигуре. А вот лицо начальника было какое-то очень доброе, ну совсем не начальственное, с неизменной открытой и простодушной улыбкой.

- Так, так, - неуверенно начинал он, словно извинялся, вот, мол, потревожил, работу принес, уж не обессудьте, - постараться бы надо, а, может, поторопиться... Инспектор приезжает, вот вам образцы дорожных знаков. Значит, так: "Обгон запрещен"... Вы уж сделайте, а там заберут, установят. На дорогу, где "Белазы" ходят. Уж постарайтесь, девчонки...

И мы старались. Загрунтовали круги, вырезали графареты, наштамповали, нашлепали краской и, довольные, любовались: вон, как игрушечки, один к одному, стоят наши знаки вдоль стены и выглядят, как заводские. Только вот незадача: мы с Танечкой были юны и неопытны и изобразили в кругах силуэты не легковых машин, а "Белазов". Это производство, так будет вернее, решили мы.

Самое поразительное заключалось в том, что нашей оплошности сразу никто и не заметил. Приехали рабочие, сгрузили знаки на машину и увезли. Дело сделано, наряд выполнен - чего там разглядывать?

Спустя несколько дней в мастерскую вошел озабоченный начальник.

- Так, так, так, - мерил он шагами помещение, - кажется, девчонки перестарались... Надо бы переделать. Вы уж переделайте.

Следом прибыли и знаки, и мы быстренько переделали все, как положено. А рабочие нам рассказали, как инспектор, выйдя из машины долго молча глядел на знак с "Белазами", а потом странно заулыбался и поинтересовался у начальства, уж не ввели ли новые ГОСТы... И лишь после долго-долго хохотал.

Как-то эффектная и модная Верочка из техотдела передала нам задание от начальника выпустить "Молнию". Суть дела была в следующем. Молоденький бульдозерист, выполняя наряд, поехал не там, где положено, и утопил машину чуть ли не по самую крышу в мягком болотистом грунте. Прошли сутки, а бульдозер все еще торчал в болоте. На манер сказки про репку мы изобразили цепочку людей, вытягивающих машину из трясины и подписали: "Тянем-потянем, а вытянуть не можем".

Молнию вывесили, а через полчаса в мастерскую влетела взволнованная Верочка.

- Ой, что было, что было! - она качала головой и хлопала длинными накрашенными ресницами.

Оказывается, по чистой случайности, двое из изображенных на карикатуре внешне очень напоминали кое-кого из начальства. "Молния" исчезла, а бульдозер быстро вытащили и перегнали в бокс.

Вошел веселый начальник.

- Так, так, - говорил он, улыбаясь, - четко сработано... А как похожи! Вы, девчонки, оказывается талантливы.

В следующий раз Щукарь принес большой лист железа, а начальник дал наряд: изготовить вывеску для открывающегося на разрезе подсобного хозяйства.

- Свиной разводить будем, - говорил начальник. - Что-нибудь сфантазируйте.

И мы сфантазировали. Вскоре вывеска была готова. Внизу, под надписью, была изображена довольно крупная свиноматка со множеством розовых поросят-сосунков. Некоторые из них повисли, держась за сосцы.

Вывеску вынесли на улицу, а какой-то шутник провел по сырой краске вверх от пяточка свиньи до ушей, - и наша хавронья расплылась в широкой улыбке. "Вот я какая, - говорил ее довольный вид, - вон у меня их сколько... Я и еще могу". Подъехали рабочие и увезли вывеску.

Начальнику наша работа понравилась, и долго потом все вспоминали об улыбающейся хавронье. Так мы жили, работали и не подозревали, что дремлет в нашем начальнике недюжинный талант артиста.

Однажды заглянул к нам в мастерскую механик горного участка с заказом на изготовление сигналов по ТБ и рассказал историю, как они с начальником возвращались из отпуска. Усталые, измученные июльской жарой, мотались они по Москве, а до поезда - еще целые сутки. Мест в гостиницах, понятно, нет, а на вокзал идти не хотели.

Вдруг начальник критически оглядел свое отражение в витрине магазина, надел темные очки, принял важный вид и, произнеся: "Жить надо уметь!" - решительно вошел в вестибюль одной из лучших столичных гостиниц. Там он, усиленно жестикулируя, начал громко изъясняться на плохом русском с элементами английского.

Представительная фигура начальника и его вполне импозантный вид возымели на администрацию гостиницы должное действие. Чемоданы "иностранца" были мгновенно подхвачены и доставлены в номер, а вслед за чемоданами гордо шел наш герой.

Говорят, наш начальник был большим юмористом и нередко попадал в забавные ситуации, но я рассказала только о том, что знала сама.

Много воды утекло с тех пор. Нет на этом свете деда Василия - Щукаря, уехала в Ленинград учиться в институт моя помощница Танечка, да и осталась там, обзавелась семьей. Я сменила профессию и давно уже не работаю на разрезе.

А недавно я услышала, что не стало нашего начальника. Что поделаешь, инсульты, инфаркты - бич нашего времени.

Иногда я думаю, что веселое, смешное, курьезное - особые моменты человеческой жизни, о которых впоследствии вспоминаешь с улыбкой. Много со временем забывается, а вот необычное, смешное помнится долго.

И, пожалуй, стоило вспомнить о нашем начальнике, ведь был он талантливым, веселым и, в сущности, очень добрым человеком.

ВАНЕЧКА

Ванечка - мой ученик. Он приехал к нам в поселок из башкирской деревни и поступил учиться в наш 6-й "Б".

Новичка посадили за одну парту с Настей, способной, бойкой девочкой, почти отличницей, и для ребят началась бурная, полная веселых приключений жизнь.

Этого большеглазого темноволосого крепыша, большого выдумщика и неунывайку, полюбили все сразу и называли его не иначе, как Ванечкой. По началу у Ванечки возникли трудности с учебой. Эти трудности были, скорее, на языковом уровне, ведь русскому языку не уделялось должного внимания. С большим трудом ему давались разные термины и понятия, и Настя частенько оставалась после уроков, чтобы помочь соседу по парте приготовить домашнее задание.

Я проверяю тетради, а Ванечка пересказывает Насте материал по биологии:

- А еще в ядре находятся передающие важную информацию хромоножки...

- Хромосомы, - смеясь, поправляет его Настя, - хромосомы, сомы, понятно тебе?

Он убедительно кивает и, немного полистав учебник, поправляется: - Они сидят в ядре, шевелятся, несут важную информацию и называются... хромосомы!

Ванечка выдохнул и, победно озираясь, взглянул на нас. Мы улыбались, а в его глазах застыл немой вопрос: "И чего я такого сказал?"

Вообще-то слушать этого ученика - сплошное удовольствие. Рассказывает он живо, увлекательно; есть что-то запоминающееся в его голосе.

Ванечка пересказывает теорему по геометрии. - Пеньпень-дикуляром к данной прямой, - продолжает он и замолкает.

- Какой еще пень? Сам ты пень, - смеется Настя.

- Не пень, а пер...

- Перпердикуляром к данной прямой, - продолжает Ванечка, но, услышав смех, замолкает. Он, похоже, совсем не обижается и только недоуменно хлопает ресницами.

С русским языком у Ванечки тоже проблемы. Хотя пишет он достаточно грамотно, но вот правила, виды разбора даются ему с трудом. Мы с ребятами придумали веселые фразы - подсказки на подобные трудные случаи. Вот, к примеру, фраза-выручалочка на вопрос о частях речи: "Сапог ням," где по согласным называются существительное, прилагательное, глагол, наречие, местоимение. Таких фраз-подсказок в нашей копилке до десятка.

Как-то на уроке на вопрос о частях речи Ванечка поднимает руку и говорит: - Сапог ня-я, - а потом спохватывается и быстро перечисляет, - существительное, прилагательное... - Во, "сапог ням" идет, - сказал кто-то на перемене, но прозвище не прижилось по причине простодушного и необидчивого Ванечкиного характера.

Однажды Ванечка и Настя дежурили по классу. Ох, и досталось же им с уборкой! Перемыли и шкафы, и подоконники, и столы, и двери. Накануне восьмиклассники, что учатся здесь во вторую смену, плохо убрали кабинет, вот и пришлось ребятам потрудиться. Я зашла в сияющий чистотой класс и хотела похвалить дежурных, как вдруг на доске, в углу, заметила следующее:

Восьмиклашкам всем мы рады,

Смело в класс входите.

Вытирайте ноги, гады!

Чистоту блюдите!

- Сотрите это немедленно. Да это же, по крайней мере, невежливо, - говорю я ребятам.

- А оставлять класс грязным вежливо? - бормотал Ванечка, проводя по доске влажной тряпкой.

- Это и не мы вовсе придумали, - вдруг сказала Настя, - это Ванечка в одной детской книжке увидел и немного пересочи-

нил. Ванечка достал из сумки библиотечную книгу. На обложке значилось “В.Шефнер “Запоздалый стрелок”.

- У писателя герой может сочинить что угодно, - объясняла я ребятам, - но восьмиклашки тут причем? Пока перекладывала таблицы, карточки, Ванечка с Настей вертелись у доски. Выходя из кабинета, взглянула на доску. На ней белела запись:

Мы вас любим, восьмиклашки!

Смело в класс входите.

Аккуратней, замарашки!

Чистоту блюдите!

- Ошибок нет? - спросил у меня собравшийся уходить Ванечка. - Давайте не будем стирать, пусть знают наших. И вообще, что мы зря мыли?

И ошибок не было, и мыли не зря. Теперь кабинет всегда сиял чистотой. Помогли творчество Шефнера и Ванечкина выдумка.

После этого все ребята единогласно избрали Ванечку редактором классной стенгазеты. Газеты стали интересными, красочными. Вот выпуск, посвященный турпоходу на реку Чумыш. Он пестрит фотографиями и рисунками ребят с момента походной жизни. Вот цепочка туристов тянется по лесистому склону горы, вот привал на поляне, а вот ребята отдыхают, расположившись вокруг костра. А внизу красуются стихи собственного Ванечкиного сочинения:

Синицы циньцинькают звонко,

На пнях поспевают опенки.

А наши мальчишки-девчонки

Готовят уху на костре.

И чуть ниже, видимо, для рифмы:

А суслик укрылся в норе

Собрались в дорогу ребята.

Им шляпками машут опять.

Идем в направленье заката

Навстречу вечерней заре.

А суслик укрылся в норе.

Вокруг фотографий были нарисованы елочки с березками, а под ними сидел толстый щекастый зверек, очень почему-то похожий на крота. Газета пользовалась большим успехом, и около нее долго толпились любопытствующие.

Кроме способностей редактора и сочинителя в нашем Ванечке вдруг обнаружился талант актера и дрессировщика. Шла подготовка к новогодним праздникам. Репетировали песенку про охотника и его верного неразлучного друга - пса Бульку. Охотником был Ванечка, а собаку Настя позаимствовала у знакомых.

Булька был небольшим черным песиком, очень вертлявым, из породы обычных дворняжек. Суть номера была в следующем. Когда солист Ванечка заканчивал куплет, Булька, сидевший рядом на высоком круглом стуле, должен был громко лаять в микрофон. И так 5 раз на протяжении всей песни. Я не верила, что из этой ребячьей затеи что-нибудь получится, но Булька вел себя именно так, как было задумано. Секрет был прост: песик любил мягкие ириски. В нужный момент один из поющих, стоящий сзади, дергал Бульку за хвост и, если раздавался звонкий лай, Ванечка клал в собачью пасть развернутую ириску. За время репетиций ушло много ирисок, но было не жалко, ведь Булька вел себя как настоящий артист.

И вот настал долгожданный праздник. Ванечка в широкополой шляпе, в болотных сапогах и с ружьем за спиной гляделся заправским охотником. Но случилось непредвиденное: Булька, увидев большую сверкающую елку и столпотворение нарядных ребятишек, испугался и не стал лаять. К тому же Ванечкин странный костюм настораживал пса. Булька сидел на стуле, виновато поджав хвост, не шевелился и не издавал ни малейшего звука.

Выручила Настя. В нужный момент она, наряженная лисичкой, подскочила к микрофону и пролаяла за Бульку. Вдруг песик соскочил со стула и, рыча, вцепился в лисий хвост, пришитый к Настиной юбке. Потрепав рыжий мех, Булька успокоился и, как ни в чем не бывало, вновь запрыгнул на стул.

После следующего куплета снова выскочила Настя-лисичка, звонко пролаяла, и снова пес цеплялся за хвост, а затем возвращался на место. Так продолжалось до конца песни. Присутствующие в зале пришли в восторг. Они не ожидали увидеть ничего подобного. Зрители думали, что так и должно быть по сценарию, и удивлялись, как же удалось так здорово выдрессировать дворняжку.

Но во всем была заслуга Ванечки, который не растерялся и только успевал в нужный момент подкладывать ириски на стул, что заставляло сластену Бульку снова и снова возвращаться на место.

Так номер, который чуть не провалился, стал гвоздем новогодней программы. О Ванечке-охотнике, Насте-лисичке и Булке долго потом вспоминали.

Все хорошее когда-нибудь да кончается. Кончилась веселая школьная пора для Ванечки, Насти и других ребят. Описываемые мною здесь события происходили семь лет назад. А сейчас Ванечка - студент политехнического института. Там же учится и неразлучная с ним со школьной скамьи Настя.

Недавно я встретила Ваню на улице. Он спешил на автобус и на ходу выпалил последние новости: про предстоящую сессию, про участие в зональных играх КВН и еще про что-то и, помахав рукой, побежал к остановке.

Я глядела вслед отъезжающему автобусу и вдруг подумала о том, вернется ли после окончания учебы в наш горняцкий поселок большой энтузиаст, выдумщик и просто хороший человек, мой бывший ученик Ванечка?

ТРИ НЕВЕРОЯТНЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫХ СТАРОЖИЛАМИ СЕЛА КРАСНЫЙ БРОД И ПОСЕЛКА КАРАУЛЬНЫЙ

Эти три необычные истории, рассказанные старожилками поселка, произошли в первую послевоенную зиму накануне Рождества, а именно, шестого января 1946 года.

По народному поверью, в этот день, в Сочельник – “вьюшка открыта”, и над людьми может править бал нечистая сила.

Итак, история первая. Карганиха-Федосьевна.

Карганиху в селе не любили. Среди сельчан ходили упорные слухи, что имеет эта старая женщина недобрый глаз, насылает порчу на людей и скотину, да вообще знается с нечистой силой. И подворье ее, находившееся на краю села рядом с кладбищем, старались обойти стороной.

Но вот ведь какое дело: приключится с кем из соседей хворь какая или немочь, то не побрезгуют пойти к дому на окраине и попросить целебную травку, снадобье: “Помоги, Федосьевна, выручай...”

Так и повелось: коли помощь какая нужна, так шли к Федосьевне, кланялись, а случись, не дай бог, пожар, падеж, неурожай, то слышалось: “Опять Карганиха беду накликала!” - и винили эту худую, нескладную, но всегда чисто одетую старуху во всех смертных грехах.

- Давай, Степан, правее бери! - кричал с крыльца Афанасий куму своему, приехавшему из города с семьей на рождественские праздники и въезжавшему на запряженных санях в распахнутые ребятишками ворота.

Наконец все устроились; женщины занялись праздничными приготовлениями на кухне, а мужики, пропустив по стакану крепкой настойки и взяв все необходимое, направились в сарай. Решено было зарезать и освежевать барана.

В сарае было темно, и кумовья изрядно помучились, прежде чем удалось поймать и схватить за рога перепуганное животное. Барана завалили, и Степан занес нож над бедной скотиной. Невыразимой печалью мерцали большие бараньи глаза, но острое лезвие, не дойдя до горла, внезапно отскочило, словно наткнулось на невидимую преграду.

-Что за чертовщина? Мерещится, что ли? - говорил Степан куму, и снова и снова сверкающий нож заносил над бараном, но каждый раз отскакивал и падал на землю. Тогда мужчина изо всех сил зажал рукоятку ножа в руке и замахнулся, но вновь все повторилось. Только на этот раз поранило барану переднюю правую ногу. Животное рванулось и убежало.

Кумовья бросились за ним по окровавленному следу, но остановились, уткнулись в забор Карганихи.

Они наблюдали, как старуха шла к сараю кормить скотину с ведром теплого поила. Ее правая рука была перевязана светлой косынкой.

Кумовья вернулись назад и заглянули в сарай. Баран оказался на месте, был цел и невредим. Нож с почерневшим затупленным лезвием удалось разыскать в снегу под крыльцом.

Рассказу мужчин никто не поверил, и женщины вздыхали: вот, мол, перебрали и мелят, что попало.

Обошлись без бараньки, благо и без этого всего было полно на столе: и пирогов, и пельменей, и колбаски домашней, и шей.

А Карганиха из села уехала в тот же год. Скучно ей одной стало, вот и уехала на Алтай к внукам.

Иногда, если кто заболел, вспоминали про нее: - Жаль, нет Федосьевны... Чистенькая была старушка, аккуратная, незлобивая...

История вторая. Непрошенный гость.

Семья Тинькаевых: муж, жена, дед-инвалид и трое ребятшек приезжали из села Красный Брод в поселок Караульный.

Их прежний небольшой домик сильно обветшал, а тут подвезло: сестра мужа, вдова с малыми детьми, после Новогодних праздников собралась да уехала жить к матери в деревню, оставив просторный крепкий рубленый дом.

Вещи покрупнее перевозили на лошади, а что полегче несли в руках. Рядом с подводой вели и скотину. Села находились рядом: полчаса езды - и на месте. Так в несколько ходок перевезли все пожитки. К вечеру накормили скотину, сварили нехитрый ужин и, намаявшись за день, легли пораньше, чтобы наутро заняться подготовкой к Рождеству.

Крепкий сон домочадцев был внезапно нарушен стуком хлопающих ставень. Все проснулись, и стук прекратился. Света не зажигали и, не вставая с постелей, переговаривались в темноте.

- Надо было перво-наперво иконку в угол повесить, - поучал дед еще молодых супругов, - а потом уж и скотину во двор приводить, и все остальное...

Какие-то неясные звуки раздавались по углам, и кем-то рассыпанный горох начал перекатываться по полу. Ведерные дружки сами поднимались и опускались, издавая зловещий звон. Дед начал креститься и что-то шептал про себя. Снова все стихло. Вдруг в окно постучали. - Кто там? - спрашивала хозяйка, вглядываясь в силуэт за стеклом. - Открывайте, свои, Андрей я, дядя ваш! - и хозяйка, признав в незнакомце младшего брата своего отца, пошла отпирать.

- Надо же, живой! - говорил дед радостно. - А считали тебя пропавшим без вести, думали, что погиб. Гость выглядел даже моложе и стройнее, чем раньше, перед отправкой на фронт. Его почему-то морозило, и шинели он не снимал. Собрали на стол и за встречу с великой радости выпили по стакану самогона. Андрей рассказывал про окружение, контузию, госпиталь, пил много и не пьянел.

- Ты давай ешь, закусывай, - говорила хозяйка, придвигая поближе к гостю картошку, сало, соленья.

Ребята отправились за Гурьяновной, старушкой очень небожной, приходившейся родственницей Андрею. Та, крес-

тась, подседа к гостю, но от застолья отказалась: пост еще не кончился.

Вдруг Андрею сделалось плохо.

- Пойду на воздух, подышу, - сказал он.

- Да не ел с дороги, а пил все, - жаловалась хозяйка.

- А ведь это не Андрей, - вдруг сказала Гурьяновна, когда за гостем затворилась дверь. - И чего он до дома, до города не проехал, а к вам ночью подался? Все переглянулись. Ночной посетитель не возвращался. Зажгли фонарь и вышли на улицу. С вечера напало немного снега, но следов от солдатских сапог не было видно нигде. Лишь чьи-то раздвоенные копыта отпечатались в снегу и вели куда-то в поле.

В эту ночь всем было не до сна, а наутро хозяева запрягли лошадь в сани - и напрямик в город, где до войны жил Андрей с семьей. А там о нем - ни слуху ни духу. Женщины поплакались о своем, погоревали - тем и утешились.

А по возвращению домой иконку сразу, где положено, установили. В ней ведь, в иконке, сила великая, крестная...

История 3-я. Василий и Ольга.

Василий добирался из города, где учился в техникуме, домой, в село Красный Брод, на рождественские праздники. Он вышел на станции Трудоармейской, спустился с горы и шел по направлению к логу. А от лога каких-нибудь полкилометра - и вот оно, родное село!

День стоял не морозный, безветренный, только мелкий снег сеялся с неба. В чемоданчике у Василия были сладкие гостинцы сестренкам, кусок пахучего мыла для матери и отрез нарядного ситчика - для любимой девушки.

Только вот неудача: кому именно дарить ситец - Наталье или Ольге, Василий так и не решил. Получилось так, что Ольга, которую Василий давно полюбил за доброе сердце и веселые синие глаза, осталась сиротой, без матери, да и сама из бедных, к тому же из большой многодетной семьи. А соседскую Наталью, румяную, смешливую девушку, из зажиточных, прочли в невесты Василий, и мать его, и сноха, жена старшего брата.

И так доняли парня, что перестал он с лета к Ольге захаживать, а все к Наталье приглядывался, даже ухаживать начал за новой зазновой по наущению родных.

Но что делать: сердцу не прикажешь, ведь прикипел Василий душой к Ольге давно. Вот и ситчик выбирал, вроде, как ее синим глазам. Бросить бы все - и к Ольге напрямик, да нельзя: от своих потом неприятностей не оберешься.

С этими мыслями Василий спустился к логу и не заметил, что ветер стал задувать все сильнее и сильнее. Снежная поземка крутилась под ногами.

Он шел и шел, прошло еще полчаса, и дома давно уже должны были показаться, но парень никак не мог выбраться из лога. Пройдя еще немного, Василий понял, что кружит по одному и тому же месту. Он снова зашагал по направлению к селу, но лог все не кончался. Вконец обессиленный, парень присел на чемоданчик передохнуть. А ветер все задувал, и снег все сеял и сеял сверху. Василий прикрыл глаза, но вдруг увидел Ольгу настолько явственно и отчетливо, что даже испугался.

“Все, если выберусь отсюда, иду к Ольге, только к Ольге”, - и решительно зашагал по направлению к селу.

Ветер стих, прояснилось, а Василий уже подходил к Ольгиному дому. Девушка месила тесто и, обернувшись, побледнела, увидев на пороге долгожданного гостя. Радость и удивление застыли в синих девичьих глазах.

Старожилы села Красный Брод, супруги Василий и Ольга, и поныне живут в любви и согласии в нашем поселке.

ОСИПЫЧ

В поселке Краснобродском его знали многие и называли просто, по отчеству: Осипыч. Этого маленького худощавого старика нередко можно было встретить у магазина, где он продавал дары тайги: колбу, калину, лесную малину, щетки для побелки. Потом он шел в пивбар, чтобы поговорить и выпить пару кружек пива.

Зимой Осипыч словно пропал, его видели редко. Но лишь только наступала весна, таежник оживал.

- Осипыч, да никак ты уже по колбу сходил? Ведь рано еще? - удивленно спрашивали его соседи.

- Да нет, не по колбу, а по грибы.

И верно, котомка была доверху наполнена первыми весенними грибами: сморчками и строчками. Таежный промысел длился до глубокой осени.

Когда Осипыч был помоложе и покрепче, он неплохо охотился. Приносил разную дичь: рябчиков, уток, а также зайцев-беляков. В праздники он был всегда навеселе, но на следующий день с раннего утра отправлялся в тайгу.

-Надо же, какой у вас огород?! - удивлялся каждый, кто приходил к Осипычу за какими-либо лесными дарами и видел ровные, ухоженные, без единого сорняка грядки, щедро покрытые зелеными ростками.

Казалось, Осипыч жил в поселке всегда, как говорится, примелькался, все к нему привыкли. И мало кто из окружающих знал, какая огромная, насыщенная событиями жизнь стоит за

плечами этого старика. Иногда десять человеческих судеб не вместят в себя столько, сколько вместила в себя судьба ничем не примечательного на вид Осипыча.

В неполные четырнадцать лет ему довелось участвовать в боевых сражениях гражданской войны под Самарой. В далекие двадцатые организовал первые комсомольские ячейки в Клявлинском районе Самарской губернии.

И в поединок с кулаками вступал, за что бросали его в ледяную прорубь. Но он выкарабкался, выжил. Работал трактористом, закончил два народных университета. А потом была Великая Отечественная война, фронт. После победы над Германией успел еще на войну с Японией. Отвоевав, Осипыч, точнее Александр Иосифович, стал учительствовать - преподавал историю и географию в деревне Оселки Прокопьевского района. Он всегда говорил тихим, чуть протяжным голосом, но, по воспоминаниям учеников, слушали его, затаив дыхание, боясь пропустить слово. Было в нем что-то такое, что притягивало, заставляло забыть обо всем.

Много времени отнимали у Осипыча семейные заботы: дом, дети, четверо сыновей и дочь, родилась, когда Осипычу было уже 50.

- Что, внучку в сад повел? - спрашивали его прохожие.

- Да нет же, дочку, - отвечал Осипыч.

И все же что-то не устраивало его в этой жизни, и порой самые близкие люди нередко не понимали его. Частенько он выпивал и тогда оживлялся, вспоминал то, что было ему особенно дорого.

Были святые уголки в его стареющей душе. Один из них - бережное, заботливое отношение к старенькой матери, "анне" - по чувашски ласково обращался он к ней.

Мать Осипыча тоже была истинной, прирожденной таежницей. Маленькая, худенькая, в светлом платочке, исходила она тайгу вдоль и поперек. Эта удивительная старушка была верующей, строго соблюдала все посты и не пропускала ни одной церковной службы.

Дети Осипыча бредили космосом, но сам он к анне, к ее вере относился бережно и трогательно.

Мудрая бабушка впитала в себя красоту тайги, ее звуки, и каким-то неведомым образом чувство прекрасного нашло место в душах внуков, детей Осипыча. Кто-то прекрасно поет, кто-то рисует, кто-то мастерит.

В свое время об Осипыче иногда писали в районной газете. И на 50-летие первых комсомольских ячеек его пригласили в Куйбышев. С друзьями боевой молодости он поддерживал связь, но вспоминать о войне не особенно любил. Разве только для подрастающего поколения.

В Праздник Победы Осипыч поднимался раньше шести утра, приводил себя в порядок /но орденов не надевал/, садился к динамику и с каким-то особым, напряженным вниманием вслушивался в торжественный голос диктора, зачитывающего поздравление. При словах "...сержанты и старшины..." Осипыч оживлялся, подтягивался и, выслушав речь диктора, рассказывал об одном и том же который год подряд: как его, сержанта, в светлый день победы в 1945 году подкидывали в воздухе боевые друзья.

Шло время, Осипыч старел и уже не водил в тайгу мальчишек за сладкой таежной малиной, да и сам редко отправлялся на лесной промысел.

Он часами слушал радио, будь то новости, политика, спорт - всем он интересовался. Не отрывая глаз от экрана, смотрел матчи по футболу или хоккею.

Но замолчал динамик, полез Осипыч присоединить оторвавшийся проводок, да так и застыл с ним в руке - не выдержало, отказало сердце.

- И чего жил? - произнес кто-то, услышав о его смерти.

Но все же жил, пусть просто, не богато, но печалился и радовался вместе с нами таежник и учитель, заботливый сын и отец пятерых детей, добрый человек, солдат Победы Александр Иосифович Сятрайкин. Было у него свое место в этом мире, полном и зла, и любви. И верится, что нашла успокоение его светлая христианская душа.

На земных таежных тропах и в памяти близких людей осталось имя, легкое, как шелест листьев при порыве ветра, - Осипыч...

МЫ - С УЛИЦЫ КРАСНОБРОДСКОЙ

Однажды в ветхом финском доме, где живет моя стареющая мама и прошли мои детские годы, делали капитальный ремонт. На куче разного хлама и мусора я заметила полусгнившую половицу, на которой сквозь слой облупившейся краски проступали бордовые буквы: "...обро пожал...ать".

- Школа здесь была раньше, до того, как мы поселились, - услышала я голос матери. - Школа, начальные классы, - и она начала водить меня по дому и показывать, - вот здесь был класс, там еще два класса, тут коридор, дальше - учительская...

Я смотрела на полустертые от времени буквы и вспоминала шестидесятые - годы детства, нашу уютную улицу с зелеными кленами - улицу Краснобродскую. Там мир казался огромным и необъятным, и зимы были студеными и снежными, а летние месяцы - долгими и знойными. Там играли допоздна в лапту и прятки, купались в Шагае, покоряли Лысую, встречали рассветы. Там жили наши соседи, простые, добрые люди, и чуть ли не в каждом дворе летними вечерами круглобокие рогатые буренки щедро одаривали хозяев теплым парным молоком. Там столы выставлялись во дворах и гуляли всем миром, с гармошкой, гитарой, песнями и плясками дотемна.

Дух соседства, общности, сплоченности людей - характерная черта того времени. И мы жили тогда, как, пожалуй, жили люди в любом другом селе или небольшом поселке.

Но было и свое, неповторимое в жизни улицы Краснобродской - первой улицы нашего горняцкого поселка. Здесь подрастали три поколения: старшее, почти совсем взрослые парни и девчата, среднее, самое многочисленное, состоявшее из одних мальчишек, и младшее - пять девчонок. Разделение было, конечно, условное, но мальчишек-ровесников мы, девчонки, в свою компанию пускали неохотно, и они примыкали к "средним".

Дом детства, финский дом на два хозяина, в котором в конце сороковых годов размещалась школа, излучал какую-то

особую ауру, атмосферу учености и дух знаний. Иначе чем же объяснить, что все обитатели дома-школы и, в особенности, ребяташки, жившие здесь впоследствии, становились заядлыми книголюбями, книгоманами и книгочеями. Книги любые: фантастические, приключенческие, исторические, художественные здесь не просто читались, а проглатывались, поглощались пытливыми, жадными до познания умами. Из этого дома вышли в большую жизнь два библиотекаря, учитель, летчик, машинист экскаватора и два инженера.

Среднее поколение мальчишек, заводилой и душой которого был мой старший брат, жило своей кипучей и деятельной жизнью.

Вот через улицу, от дома к дому, потянулась целая сеть проводов - каждый из пацанов установил у себя, в своей комнате, по самодельному телефону-рации. "Бип-бип-бип", - звучали позывные в наушниках, и до полуночи велись бесконечные мальчишечьи переговоры.

В доме постоянно что-то пилилось, строгалось, кругом были разбросаны чертежи с какими-то непонятными конструкциями. Со столов вдруг исчезла клеенка, и однажды ватага мальчишек направилась в поле испытывать только что изготовленные крылья, напоминавшие с виду длинную легкую деревянную этажерку. Вцепившись в перегородки, мы разгонялись с горы, отрывались от земли и, счастливые, пролетали несколько метров. Тогда мы и представить не могли, что крылья эти могли служить чем-то вроде современного дельтоплана.

По вечерам часто устраивались соревнования по играм в городки, в которых участвовали старшие и средние ребята. Взрослые возвращались с работы, и городошники останавливали игру, уступая дорогу.

По нашей улице часто проходила, завершив школьный день, первая учительница поселка Мария Михайловна Петухова. Она шла, сияя открытой улыбкой, русская пышная красавица с синими глазами-озерами, так похожая на героинь кустодиевских полотен... Это она когда-то учила детей в доме-школе - доме моего детства.

Весной, когда начинал таять снег, пацаны строили из бревен и досок плоты и спускались на них с логов по бушующим весенним водам.

Походы с привалом и костром были одним из излюбленных времяпрепровождений ребят нашей улицы. Нас, маленьких, с собой они не брали. Но мне иногда благодаря смекалке все же удавалось попутешествовать. Услышав о предстоящем походе, я во весь дух мчалась по проселочной дороге и, выждав немного, в нужный момент представала перед изумленными взорами путешественников. Брат ворчал, но - делать нечего, меня приходилось брать, ну не возвращаться же из-за этого.

- Канкан идет! Канкан идет! - и многочисленная ватага пацанов высыпала на дорогу, направляясь к перекрестку.

По улице крупными шагами шел человек, высокий, весь какой-то порывистый и мятежный, с грудью нараспашку, с неразлучным баяном и в темной шапке-папахе. Мы, мелюзга, еле поспевали за ним и путались в полах его широкой развевающейся шинели. Бывший офицер Канкан был завсегдаем всех гулянок и увеселительных мероприятий, а с шинелью не расставался даже в лютые морозы. Было что-то трагичное в его яркой, колоритной фигуре.

Спустя десятилетия в толпе смеющихся ребятишек я обратила внимание на голубоглазую белокурую красавицу малышку.

- Правнучка Канкана, - сказали мне.

В мечтах и играх мы выросли. Прошли годы. Инженеры, экскаваторщики, буровики, экономисты, юрист и многие другие вышли в жизнь с нашей улицы.

Заводила мальчишек среднего поколения давно стал Сан Санычем и до недавнего времени бороздил казахстанские небесные просторы. Отлетав положенное, бывший летчик с семьей обосновался в Поволжье, но в душе остался оптимистом и неисправимым энтузиастом. Не так давно он даже собрался предпринять велопробег с берегов Волги до родного поселка, но, проехав немного и встретившись с непредусмотренными проблемами, все же пересел в поезд: так оно надежнее.

Подрастают наши дети. Они играют в другие игры, трудно понять их компьютерно-кассетно-жвачные интересы, и вздохнешь ненароком, вспомнив свои лучшие, веселые и невозвратимые дни.

Но что это?

- Давай, прыгай! - кричат снизу девчонке, приготовившейся к прыжку. - Мы в космос готовимся, в парашютистов играем, - объясняют мне ребяташки. Я встречаюсь взглядом со смелыми девчоночьими глазами, и вдруг на миг мне показалось, что на меня из глубины шестидесятых глядит веселая отважная фантазерка, - я возвращаюсь в собственное детство.

Много доброго осталось в памяти о нашей улице тех времен. Здесь доживали свой век совсем седые старик и старушка Альтибенева. Здесь в окружении соседей и безутешной вдовы завершил свой жизненный путь участник боев за Берлин дедушка Поленчик.

Здесь жили славные бабушки: приветливая украинка, хранительница домашнего очага, спорая в любой работе, хлебо-сольная и добрая бабушка Ступенко и испытавшая удары белогвардейской сабли в годы гражданской героическая бабушка Зверева.

Здесь во дворах цвели не только высокие мальвы, но и пышные георгины, а воздух был напоен ароматом рдеющих на солнце кисло-сладких ранеток...

Детскую дружбу мы пронесли сквозь десятилетия. И из Кемерова, и из далекой Карелии едут в отпуск в отчий дом бывшие девчонки младшего поколения. Мы родились и выросли в домах, которые первые строители возводили с надеждой и верой в будущее. Эта вера передалась нам. Отсюда, с нашей улицы, начиналась точка отсчета горняцкого поселка.

В нас - особая закалка. Мы - с улицы Краснобродской!

КРЕДО АВТОРА

Каркими июльскими ночами ярко сияют в вышине летние звезды, посылая вниз свои приветные лучи. В одну из таких ночей в маленькой точке огромной земли - сибирском горняцком поселке - посреди комнаты стоял человек. Он много курил и беспокойно мерил шагами пространство. Немолодой учитель, историк и географ, бывший фронтовик, имевший уже четверых сыновей, волновался: ожидалось очередное прибавление семейства. Еле-еле удалось разыскать машину и отправить жену в больницу.

- Девочка, - сказали женщине, и яркий утренний луч вместе с первым криком ворвался в новую жизнь, привнеся в маленькую человеческую судьбу особенную, неумемную и неосознанную радость бытия.

Младенец был ничего себе, в меру упитанный, и мягкие белые волосы покрывали не только затылок, виски, темечко, но и плечики у ребенка.

- Ты родилась с крылышками, - нередко подшучивали над мной в детстве. Ох, уж эти взрослые, скажут так скажут! У маленького человечка всегда было свое мнение, и ему было понятно, что никаких крылышек не было и быть не могло. Я поглядывала на старших с недоверием, а в воображении возникало светлое легкое крепдешиновое платье с крылышками, подаренное одной учительницей. Невесомые крепдешиновые крылышки приятно охладили плечи в летнюю жару.

Как-то зашел знакомый фотограф. Малышку долго усаживали, трясли перед объективом плюшевым зайцем, пытаюсь вызвать улыбку на испуганном детском лице. Кто-то протянул серебристую фольгу от шоколадки. Блестящая бумага зашуршала и заблестела, отражая яркие лучики, и ребенок рассмеялся звонко и радостно. Все, что было связано с солнцем, светом, всегда вызывало радость в этом человечке, а желтый цвет стал одним из любимых цветов.

Кошка, играя, смахнула бутылку с соской со стола и покатила ее по полу. Наигравшись вдоволь, она слизала вылившееся молоко, а соску съела.

- Вот она какая, - говорили мне, показывая на кошку, - это она твою соску съела, - и грозили пальцем вслед. Я слушала и не понимала, чем же так недовольны старшие. Соска была не нужна, а кошку было жаль. Позже всегда было жаль всех братьев наших меньших, беззаботных и бессловесных, нуждавшихся в помощи...

В этом мире все случайно. Маленькая жизнь, пришедшая в мир с первым утренним лучом, по воле случая могла исчезнуть, уйти в небытие. Было очень тихо в комнате, слышны лишь были всхлипы плачущей женщины. На кровати, в подушках, лежал двухгодовалый младенец. Глаза ребенка были закрыты, а бледное тельце казалось безжизненным.

- Видно, так богу угодно, - успокаивала женщину случайно зашедшая знакомая.

Приехал из города врач. Он прослушал младенца, поставил скорей, для порядку, какой-то укол и, разведя руками: что поделаешь, скарлатина, начал одеваться. Вдруг в тишине комнаты, среди зимы, раздался тонкий комариный писк. Писк усиливался, и все посмотрели на младенца. В маленькое бездыханное тельце возвращалась жизнь.

- Все в божьей воле, - произнесла знакомая женщина и исчезла. И безудержная радость бытия с удесятенной силой вернулась в маленькую человеческую жизнь. Огромный мир раскрыл объятия для крошечной судьбы.

Долгими летними вечерами допоздна не смолкали веселые ребячьи голоса. Играли в лапту, в прятки, а с динамика неслась красивая песня про геологов, дружбу, голубую Полярную звезду. "Наверно, это и есть Полярная звезда, - думала я, разглядывая мерцающую цветными искорками яркую звездочку невысоко над горизонтом.

- Нет, это не Полярная, - сказал как-то старший брат, - Полярная вон где, - указав куда-то вверх, продолжал он. - А

это Капелла, по ней даже в туманы моряки путь находили. Звезда сияла и манила какой-то радостной тайной. Окружающий мир звал к себе жгучей тягой к познанию. Хотелось знать все. В космос запускали корабли с людьми. “Буду космонавтом”, - решила я. Отец с пенсии купил куклу в брючках, панаме и с рюкзаком за спиной. “Буду геологом”, - мечтала я и набила кукольный рюкзачок кусочками сахара.

В детском саду, раскрашивая узор в альбоме, вдруг замерла от неожиданности. Сочетание розового с голубым поразило каким-то радостным, удивительным соответствием. Я посмотрела на рисующих. Все были увлечены чем-то своим и, казалось, ничего особенного не произошло в мире, но радость от увиденного цветового созвучия запомнилась надолго. Маленький ребенок стал смотреть на мир глазами художника.

Отец купил для племянников, понаехавших с города, кучу сладостей и мороженого. К вечеру он был изрядно навеселе, а племяши облепили его со всех сторон, висли на шее, смеялись и баловались

- Вот, доставая из кармана смятую бумажку, говорил отец, - все, что осталось, - рубль...

- Как рубль? Здесь не рубль, а десять, - зная, что дядя плохо видит без очков, кричали племянники.

- Сколько, дочка? - спрашивал тогда у меня отец.

- Десять, - отвечала я, поддерживая розыгрыш и поддавшись общему веселью.

А наутро отец сидел на диване и разглядывал смятый рубль. Вид у него был жалкий и потерянный, как у обиженного ребенка.

- Не знаешь, сколько у меня вчера осталось? - глухим голосом спрашивал он.

- Не знаю, - почему-то ответила я.

Больше у меня никогда не возникало желание кого-то разыгрывать, хотя бы для веселья.

Говорят, до шести лет человек строит в себе основу своего будущего духовного "Я". Все остальное, приобретенное позже, он только нанизывает, дополняет, расширяет. Первый этап обретения маленькой судьбы в огромном мире завершился.

Поиск неизведанного, всего, чего достигла человеческая мысль, продолжался. Любое новое знание вызывало радостное удивление и заставляло сильнее биться сердце. Манили и далекие звезды, и жаркие страны, и подводные глубины океана, и заснеженные горные вершины. Исторические романы звали в глубь веков, фантастика заставляла думать бесконечных мирах во Вселенной, а все, что было связано с искусством, с классикой вызывало сладкий трепет в душе. Многие занимало взрослеющий ум: Возрождение и русская живопись, Моцарт и Боттичелли. Чем дальше, тем сильнее манили жгучие тайны окружающего. И был уже запас знаний, удивительных и разных, но не было чего-то главного, определяющего смысл маленькой человеческой судьбы.

Пришлось учиться дальше. Слово-основа нашей духовной жизни - позвало в дорогу. Становились понятными древнерусские письмена, а как торжественно и значительно рассказывал преподаватель об открытии санскрита - праматери языков наших...

...Потоки солнечного света лились в окна аудитории, мир купался в щедром благоухании осеннего дня, а лектор говорил о "Поучении Мономаха", в котором представала не столько житейская мудрость автора, сколько всеобъемлющая мудрость древней христианской Руси. Язык Мономаха поражал ясностью, словно величавый наш предок протянул мост через столетия.

И вдруг в огромном мире, вместившемся в маленькую человеческую судьбу, воцарилась гармония. Тайны слова помогли осознать целесообразность всего сущего.

- Кредо, кредитиум, - я готовлюсь к зачету по латинскому и мое внимание привлекает этот глагол. Кредо - в этих пяти звуках сокрыта целая вселенная мыслей, идей, стремлений,

надежд - всего, что заключено в понятии "Я верю". Сюда же можно отнести и поступки наши, ведь внешнее всегда проявление внутреннего.

У каждого свое кредо. Мое кредо - это и жгучая жажда познания окружающего, и генетическая память моих предков, и тюркские корни мои, любовь к таинственному санскриту и древней Руси, бережное отношение к слову. Мое кредо - понимать, уступать и быть терпеливой.

Зовут таежные тропы, по которым ходила моя бабушка, зовут звезды небесные и судьбы людские - земные звезды... Я хочу знать лесные тайны, язык птиц и зверей, чувствовать прохладу струящихся прозрачных речных вод и, подкравшись близко-близко, увидеть совсем рядом белую таежную сову на фоне темно-зеленого хвойного великолепия.

Я хочу писать, на высокой, пронзительной ноте, но останавливает, не дает покоя, завораживает простая земная красота.

И новые горизонты впереди, и все заманчивее пути к постижению и обретению гармонии духа. Еще не пройдено и половины того пути, который прошла тропами жизненной мудрости моя бабушка Анна.

Но бывает и такое: ступенька, казавшаяся с виду такой прочной и надежной, вдруг рушится под тобой.

Болезнь, тяжелая и мучительная, затаившаяся внутри, внезапно прорывается наружу: "Куда ты, погоди", - и беспощадной железной хваткой тянет назад.

Но есть кредо и все то огромное, что за ним стоит. Кредо спешит на помощь.

А в глубине синеющих небес, играя радужными сполохами, сияет царственная Капелла.

Для маленькой точки огромной земли - сибирского горняцкого поселка, где бьется, волнуясь, беспокойное сердце, этот далекий звездный свет кажется вечным.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
И назвали Краснобродским.....	6
Легенда о всаднике	9
Это начиналось так	14
Вехи горняцкой биографии	19
Они были первыми	20
Стоящий у истоков	22
Мы помним вас, земляки	28
Я убит под Орлом... ..	31
Прощайте - уходим с порога... ..	33
Полвека прошло, а боль не утихла... ..	38
Я молилась за тебя всю войну, сынок... ..	42
Человек несгибаемой воли	46
Миколкины университеты	52
Они живут среди нас	55
Листая музейный альбом	68
Живем надеясь	72
Рисующий словом	76
Окрыленный гармонией звука	80
Песня с названием “Жизнь”	84
Дядя Гоша	88
Начальник	94
Ванечка	98
Три рождественские истории, рассказанные старожилami	103
Осипыч	108
Мы - с улицы Краснобродской	111
Кредо автора	115

